

смена

№7

июль
1934

Изд-во ЦКВКП /с/ „Правда“

*У салмоной
реки.*

Московские гребцы
Сафонова и Второва
фотоэтиюд И. Шагина

ХУДОЖНИК СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

Если нам приходится бывать на художественных выставках последних лет, хотя бы за таких значительных, как «Художники РСФСР за 15 лет» или «15 лет РККА», мы неминуемо вспоминаем о оживлении, которое всегда царит у полотна Сергея Герасимова.

Пробравшись через густую толпу зрителей, наземно дистанцировавшись с которой лучше всего наблюдать полотна, только что покинувшие мастерскую художника, вы слышите акустический гул разговоров, суждений о творчестве мастера, о достоянии нового произведения Герасимова.

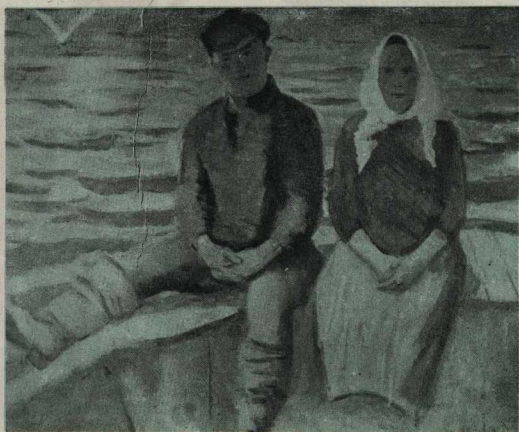
Кто не знает его последних полотен, рисующих героическую эпопею — «Октябрь»¹ и в особенности «Клеть красных партизан», сейчас уже получивших распространение в сотнях тысяч репродукций. В этих полотнах художником передан парад революционной борьбы, романтика революции.

На этих же полотнах уже ардемай мастер Сергей Герасимов показал, как следует строить сюжет, создавать образы, компоновать живописное произведение, смыслевое революционным содержанием объединена в совершенную форму.

Сравнение мастера живописца с мастерством монтажера вполне приложимо к Герасимову. Из всех советских живописцев он наиболее музыкален. Краски его полотна звучат. Мало их не пройти. Они всецело покоряют ваше внимание. Вы всматриваетесь в полотно и замечаете, как из отдельных звуков-красок создается музыкально живописные фразы, переходящие в стройную, мелодичную композицию.

От исторически подлинного антуражу партизана, дающего платку над гробом товарища, начинается огромное звучание революционной мощи, захватывающей всю группу партизан и захватывающаяся в собою, полной грусти фигуры мальчика.

Тот всему творчеству Герасимова дано именно это. От них звучит исходят остальные произведения мастера, в которых Герасимов является непревзойденным бытиспателем крестьянства, нового колхозного быта. По существу, это основная жила художника. Ему-то он отдал все свое

НА РЕМЕ

творчество, начиная с своих первых шагов, когда двадцатипятилетний художник, только что окончив училище живописи, ваяния и зодчества в 1911 г., добивался своего признания на выставке «Московский салон».

Ученик К. Коровина и С. Иванова, он умело воспринял пафлору своих учителей, их живописные приемы и яркость, продолжал работать над изучением цвета и света в картине. Вдумчивый, постымо углубленный в свои мысли и, несомненно, передовой (оставшийся ряд полотен, посвященных революционному движению) художник С. Иванов привлекал к себе молодого мастера и своей тематикой, где бьет деревни как основания.

Промотрите огромное количество полотен, рисунков и литографий художника (Герасимов является одним из лучших наших литограф-рисовальщиков, он работал в литографии Ситнига, 1-й образцовой), и организавал при этой типографии художественную школу), и вы отметите подлинное количество произведений, посвященных старой, деревенской и новой, колхозной, социалистически реконструированной деревне.

На протяжении всего своего творчества Герасимов, овладевая живописным и графическим мастерством, продолжал изучать и углубленно изучать деревню, ее типичные быт, социальную жизнь. Вот трудящиеся крестьяне в сетях кулацкой эксплуатации, в условиях капитализма («Взрвк», «Сельский сход», «Слепой кузнец»), вот они сражаются бою с бою с городским пролетариатом («Октябрь»), пополняют ряды партизан в гражданской войне («Клеть»), борются за социалистическую передачу деревни («Приезд коммуниста в деревню», «Рыбаки», «Сенокосники на Днепре», «Салая ласка»).

Портретная галерея Герасимовских крестьян огромна и необычайно ценна по своему принципологичности в характере человека. Это не этнографически протокольная запись человеческих прищеты или бездумная фотография, перекомпонованная язык живописи, что нередко можно встретить в портретах наших художников. — это реальный человек среди реальной обстановки со всеми своими помехами и работой.

От замательной серии автолитографированных портретов («Музыка») к живописным образам последних лет («Изабелла», «Деревенский комсомолец» и «Полновозная ласка») и в замострациях и «Надвиги десанте» М. Шолохова — таковы пути непрестанного изучения художником нового человека и вместе с тем важнейший этап советского искусства на пути к социалистическому портретному жанру.

Мастерская художника не ограничивается четырьмя стенами его московской мастерской: соей мольберт Герасимов переносит в самую гущу действительности, создавая свои произведения среди реальной обстановки. Этим и объясняется существование реалистического направления живописи Герасимова, которая вошла в лептис советского изобразительного творчества живой, яркой стравницей.

Картины, автографы и рисунки С. В. Герасимова находятся в Русском музее (Ленинград), Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств (Москва), в художественных музеях Воронежа, Астрахани, Горького, Вятки и Копенгагена (Дания).

¹ См. «Смена» № 14 за 1933 г.

СО ДЕР Ж А Н И Е

РАСКЛАЗЫ И ОЧЕРКИ:

Ив. Варшавский. — На солнечной стороне	4
Евг. Коленко. — Когда умерла Аня	7
Марк Колосов. — Язычник	8
А. Грофов. — Миритин встает	10
И. Ипполитов. — Мастера многообразия динамовца	12
Д. Лебедев. — Сергей Кирин	14
Евт. Сивов. — Каталог почтосов	16
В. И. Блюм. — О сипкоке и фокстроте	22

След советских писателей	6
------------------------------------	---

СТ И Х И:

П. Жезанов. — Турнир	5
Гр. Платкин. — Вдвинута	11
Серг. Михалков. — Простая песня	10
Вор. Лебедев. — Нарвк претречет О. Шмидта	10

НОВАЯ КАРТИНА:

Л. Варшавский. — Художник Серг. Герасимов	2
---	---

БЫТОВАЯ КОНСУЛТАЦИЯ:

Обсуждают фелетон С. Диковского	21
---	----

ОЧЕРКИ СОВЕТСКИХ МУЗЕЕВ:

Ю. Нейман. — Переддлинники	18
--------------------------------------	----

Р И С У Н К И:

А. Гончарова, Л. Еролати, Е. Проскуриной, И. Коновалова, А. Мазенкова, Л. Сегерина	—
--	---

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издательство ЦК ВЛКСМ, «Правда»

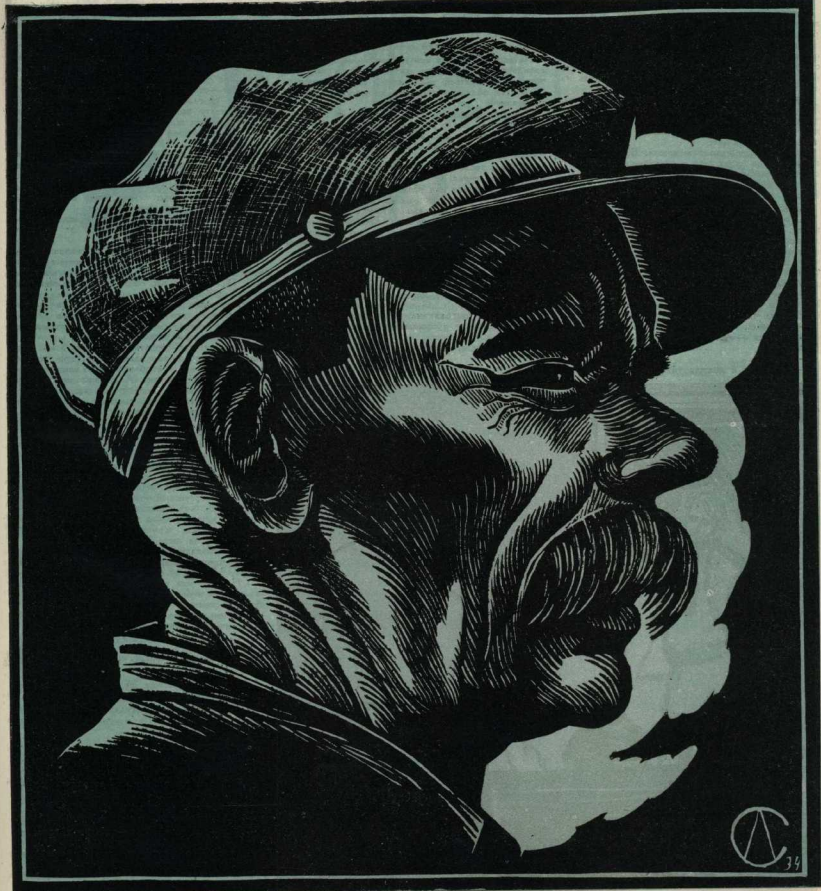
№ 7

1934

11-й год издания

Адрес: Москва, Центр, Малый Чернышевский пер., д. 1.
Тел. 2-89-28

ГРАВЮРА НА ЛИНОЛЕУМЕ Л. СЕВЕРИНА.
14-летнего художника, ученика 37-й школы в Харькове.

Алексей Максимович Горький

НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

РАССКАЗ

Иа она ее комнаты видел заводской двор. Восьме часов вечера. Наташа сидит в кресле, которое купила в распродажу. Чайник греется на кероснике. Наташа окусывает веки...

Зимой она сидела в дом отаплива. Была снег, был февраль. Она падала, вставала на лыжах. Над ней смеялись подружки. Но часто, по вечерам, Наташа одна выходила на улицу. Она училась ходить на лыжах и научилась.

Наташа и сейчас помнит, как она ехала с горы. Ветер обнимал и прижимал к телу спортивный костюм. Визгу ее ослепела Коля. Он хороший и красивый парень, но любит пить. Как он тогда смотрел на нее!

Наташа полуснашивается в кресле. Валюки падают на лицо. Она видит себя в спортивном костюме, в спецодежде слесаря и в шоломовом платье выходного дня. «В каком костюме я интересней?» — думает Наташа и улыбается.

Чайник закипает, и Наташа встает.

«Справочник, справочник... Эта книга раскрыта на ее столе. Уставшая вечером муха медленно движется по странице. Наташа смотрит на мушкетера и потягивается. А сон как любимый парень обнимет ее и лякнет. Наташа сладится. Она еще раз потягивается и падает на кровать, в объятии молодого сна.

Она просыпается от звонка. В комнату входит Коля. На часах — половина двенадцатого. Коля бродит на чистой половине суток и улыбается.

— Ну зачем это? — говорит Наташа.

— Пустяки, — отвечает Коля, — пьешь больше и разревнешся.

— Уйди...

— А почему я должен уйти?

— Я готовлюсь к техническому экзамену, ты не должна мне мешать.

— Ах, если так, — говорит Коля, — я, конечно, могу уйти.

Он посмотрел Наташе в глаза и ушел. Наташа садится за книгу. Скоро она будет сдавать экзамен. Интересно, какие ей будут задавать вопросы. В третий раз очень смышленый мастер. Он будет подкапываться. Коля, наверное, придет на экзамен.

Она ушло несколько дней готовит к экзамену и имеет почти все о революционной стране. От чайника поднимается пар. На столе у Наташи лежат конфеты. Она пьет чай и обжигает губы. Это разбивает сон.

Сегодня, после работы, подружки авала ее в сад, но она не пошла. А ну их совсем! Они будут ходить и смеяться над всем. Они никогда не участвуют в веселых танцах, им не нравится, как дети катываются на маршале. А она вот с удовольствием бы села на деревянную лошадь. Почему-то подружки любят парней, которые ходят в вышитых рубашках. А она терпеть не может эти «рубашки с разгоровцем». Коля носит серые штаны, — ей нравится галстуки, но только не серыевого цвета.

К чорту эти восторженные мысли! Надо еще раз подумать математическую сумму стана...

Утром она приходит на завод борая, ее окружают подружки и рассказывают о вчерашнем гулянье.

— Ты знаешь Пашку Веселова? — спрашивают подружки.

— Знаю, — отвечает Наташа.

— И вот он вчера походит к Маруське и спрашивает: «Вы готовитесь к техническому экзамену?» «Да», — отвечает Маруська. А Пашка говорит: «Мне бы взглянуть на ваши носы о чем поговорить». Ну вы, конечно, пошла, а чем дело, и, говорим: «Мы пойдем попить чаю». Маруська вынула нам головой, и мы ушли... Ты сегодня Маруську не видела?

— Нет, — отвечает Наташа и замолкает. Перед ее глазами возникает вчерашний вечер. В ее комнату входит Коля. Он красивый парень, у него широкая шея. Но зачем он шепет?

— Нет, Маруську сегодня не видела, — еще раз говорит Наташа.

В обсерватории переверт Наташа бегает по широким лестницам заводских корпусов. Она забегает в залом и видит, что на стене, среди портретов лучших ударников, висит и ее портрет. Зря она спиналась в сплоске. Надо было спинаться в платье с белым воротничком.

В комсомольской ятееке висит объявление, что и когда сдать технический экзамен. У секретаря ятееки разбирают papers.

— Кто же получит временно по телевизору? — спрашивает секретаря. Но каждый смотрит на дни своего papers и молчит. Молчание прерывает Наташа. Она говорит, что обед кончился и пора продолжать работу.

После работы Наташа опять зашла в залом. Она удивлена, что председатель залкома гугается и часто упоминает ее имя. Она посмотрела на стену и увидела, что ее портрета нет.

— Кто же мог сорвать фотографии? — спрашивает председатель залкома у присутствующих. Она говорит, что об этом надо поставить вопрос на пленуме залкома. А Наташа ничего не говорит, она видит на стене портрет, колдовое место. На нем остались кхитре замочки от гвоздей, которыми был приколот портрет.

Наташа пришла домой.

Ну, что же, завтра сдать технический экзамен? Она подоготовлена. Она может пойти сегодня гулять, Хороса, если бы пришел Коля.

А Коля тоже весь день думал о встрече с Наташей. Вечером он выпьет конечно, но очень сильно; обнимет чистой воротничок и придет к ней. «Здравствуй, моя дорогая», — скажет он. Она ответит: «Здравствуй», — и поглядит его по шее. Весь день он работал хорошо. Нормировщица Таяя поглядывала на него. Таяя — хорошая девушка, но он любит Наташу.

Коля пришел пьяный. Он вмянул из кармана портрет Наташи и сказал:

— Неладно мне что-нибудь на память.

— А что тебе разрешила снимать портрет?

Коля рассмеялся:

— Я имею право на твой портрет!

— Когда ты перестанешь пить?

— Сегодня я не пью, — сказал Коля, — притворюсь. Может быть, я выпросил сорвать твой портрет. Но ты не хотела давать мне своей фотографии.

«Сегодня он, кажется, не пьет», — думает Наташа. — «Может быть, он и вчера не был пьян?»

— Мы пойдем сегодня гулять? — спрашивает Наташа.

— Пойдем, — отвечает Коля.

Они идут по саду.

— Когда ты перестанешь пить, я тебя полюблю, — говорит Наташа.

— Это я и без тебя знаю, — отвечает Коля, — ты меня полюбишь пьяным... Поминишь, ты общалась меня поцеловать?

— Обещанного три года ждут.

— Нет, — возразила Коля, — через три года твой поцелуй будет звучать по-другому.

Коля шел по саду молчаливо. Ему становилось жалко, что он обидел Наташу. Ведь какая она девушка! И вспоминала Коля девушку, повоюю на Наташу.

Он ехал по Северной дороге из Киевщины. Поезд проходила в Москве. Девушка вошла в вагон и

— Уйди, — говорит Наташа.

ТУРНИК

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ

Есть одно воспоминание детства:
Полюю, незамеченный никем,
Я любил по вечерам вертеться
На чужом дворе на турнике.

Иногда меня как оборванца
Дворник протона метало: «Савва! —
Даже мне пришлось тренироваться,
Налегая насторонных гала.

Но однажды, темным летним вечером,
Не стеснясь полого двора,
При выжиман общем, издерганном,
На турнике взошла
И так заигривалась,
Что захлопала в ладоши детвора.

Перекадина — не гнись!
Сделаю ноги крючком,
Головою вина повис,
Сделаю броски руки,
Площаю небес в галах,
Другушкине задания.
Девочка извещала: «Ах!»
Ножные складники...
Расклялась в ту же миг
И развала коленики.
Все в порядке. Черт возьми!
Стукнула мясненько.

Провожила криком «бис» и «браво»,
Приглашала «Приходи! Вертись!»
Расставала поклонником орону,
Я ушел как признанный артист.

Но добившись чуть авторитета,
В узенькой ребяческой среде,
Я воображал, что так вертеться
Никогда бы никто не смог изде.

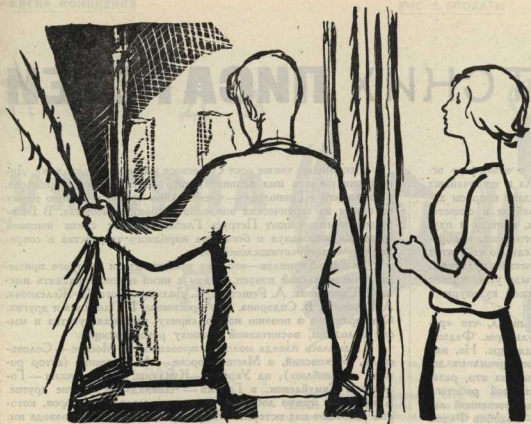
Перестав лавно тренироваться,
Как-то вновь забрел на тот же двор.
Поперестася, саргатула, жуп оладий,
А вокруг: молчалива злора.

Не спеша натер землеко руки,
На турник с улыбкой скривной злате
И подирад вон проделала трюки
Мальсвнй, невзрачной отгале.

Он, мой олдсвава славу,
Свеху программы делаю нинера
И сдух орала «бис» и «браво»,
Хлопая в ладоши, детвора.

Я ж стола в створике как побойстик,
Славно поплачиваю по лицу.
На, в конце концов,
Словам обиду,
Искренно захлопала отолуду.

Замечая в коммундуе кокетство
Первой славою, девочке ладно,
Я нелегко вспоминаю детство,
Вспоминаю случаи с турником.

— Я живу на солнечной стороне...

остановилась у дверей. Было первое по-настоящему весеннее утро.

«Продвигай билеты!», — сказала девушка. Она пошла по залу. Боковое сиденье ладно лежало на ее щечке; ее открытую шею как заны обвивали тени пробегавших деревьев.

В конце вагона, на второй полке, спал парень, ему было не больше 23 лет. Он спал ярким сном солнечного утра. Девушка покосилась и спящему парню и остановилась. Она не хотела его будить и остановилась в раздумьи у окна.

Поезд подошел к Москве. Коля смотрел на девушку. Кажется, она добросовестно относится к своим служебным обязанностям, внимательно проверяет билеты...

Поезд подошел к Москве. Тогда девушка разбудила спящего парня и долго рассматривала его билет.

Коля запомнил лицо этой девушки. Он может быть, перестал бы пить, но ему кажется, что вода помогает его любви. Наташа относится к нему мягко, она его утешивает, она его пытается приласкать...

— Пойдем домой и поговорим за бутылкой чая — предлагаю Коля.

Он смеется. — Если тебе хочется домой, ты, конечно, можешь идти, — обижается Наташа.

— Я, конечно, могу идти, — говорит Коля и уходит.

«Вот такие фокусы на них действуют», — решает он, — пуская пропустит, пуская будет небольшая сора — это помогает любви».

Когда Наташа вошла в свою комнату, у нее действительно было грустное настроение. Она подошла к окну и посмотрела на двор. На дворе лежало идеало. Оно призывало темноту, готовую улететь. Борьба садилась на широкое асфальта земли и касалась случайного зерна. Газоны, они ведь могут разбить клав. Наташа дергает занавеску и неожиданно обрывает ее. «Ах!» — произносит она и смотрит на дверь. Но никого нет. Наташа садится за стол, готовится к техническому экзамену.

На экзамене присутствовало много народу. Наташа стояла волеа стола и ждала вопроса. Ее окружали людишки.

— Вспомните, пожалуйста, расчет шестеренки, — сказала мастер.

Наташа задумалась. Между ее бровями показались четкие морщинки, похожая на восхитительнейший знак. Она отгигнала на вопрос.

— Скажите, пожалуйста, диаметр шестерни делал вмер двадцать три.

Парня погаснувшись. Подруги зашептались. Наташа подумала и ответила.

Вдруг Наташа увидела Колю, стоявшего позади всех. Она почувствовала, что Коля виноватый. Но ведь она, кажется, отвечала идеально...

— Скажите, пожалуйста...

Тигина.

— Скажите, пожалуйста...

Наташа молчала. Подруги переглаживались.

— Наташа! — крикнули они. Наташа отшулась и ответила на вопрос.

— Хотела, — сказала мастер, — дозволено.

Хотела Наташа посмотреть на Колю, но он уже ушел. К ней подошла секретарь комсомольской ячейки. Он пожимала ее руку обеими руками. Она почувствовала теплоту этой рук. Она пошла по залу, и подруги лопали на шею. Наконец, она вышла сошла экзамен. Подруги хлопали в ладоши и хвалили ее.

Когда Наташа вошла в вагон, она увидела, что ее портрет висит на аркашеме мeste.

Коля сидел у себя дома. Он подошел к окну и остановился. Она противоположного дома вспыхивала зелеными, голубыми и желтыми огнями. В окне зеленого света была видна стол, на котором сидела маленькая девочка и ее родители. Девочка лила чай, не отрывая чашку от стола. Ее отец читал газету. В окне голубого света девушка собиралась спать. Она рассматривала длинные волосы.

Горели фонари, звезды горели, и пылая облава. Легкое беспокойство ветра проходило по золотым волнам.

Он вошла плавающим по вспотеющему стеклу и рисовал слугу Наташи.

«Нет, у нее не такой нос, — думал Коля, — у нее небольшая горбинка. Нет, рот у нее не такой — у нее маленький губы». Он шаркавал встел и отшел от окна.

«Непохожа, совсем непохожа...» Он провед рукой по стеклу и стер свой неудачный рисунок. В окно была видна боковая городского часаи.

— Десять часов, — сказала Коля.

Он поехал к Наташе.

Коля был молчалив в этот вечер. Он сидел против Наташи, пил чай и смотрел мимо. Аллодисмыслиа естественного вечера застала у него в ушах. Он и сейчас видит, как секретарь комсомольской ячейки идет Наташину руку.

Коля в это время стоял савва. На него никто не смотрел. Как он глато савваа вперед: «Поздравим за бутылкой чая».

Это никого не смешит.

Коля смотрит в окно. Занавески, сдвигнувшиеся на середине окна, раскрываются перед ним как книга.

Налево он поворачивается. Он хватает Наташу за руки и пристально смотрит ей в глаза. А она улыбается и говорит:

— Ты не смотри в окно — сейчас поздний вечер, но я живу на солнечной стороне — посмотри, что будет завтра утром.

Съезд советских писателей начал работать в атмосфере огромного внимания со стороны партии, комсомола и широкой массы рабочих и колхозников. Вся страна обсуждает вопросы художественной литературы. Ткачи говорят о фабуле и сюжете, металлисты толкуют о метафорах и сравнениях, конюхи и плугари устанавливают правдивость того или иного типа, изображенного в художественном произведении. Уже сам по себе этот факт говорит о несамым росте социалистической культуры. Длинный ряд доказано, какой жалкой клеветой было утверждение Троцкого о невозможности создания пролетарской культуры в эпоху диктатуры пролетариата.

В 1929 г. Алексей Максимович Горький писал, что «рабочий класс должен создать своих мастеров культуры». Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока еще единицы. Но, как мы видим, рабочий класс совершенно правильно оценил их доминантность художников слова». Горький, указывая на это, разоблачал вульгаризаторов и «свредителей культурной работы», которые отрицали воспитательное значение художественной литературы и необходимость молодым писателям — подобно Фадееву и Шолохову — учиться у классиков. Все последующее развитие советской литературы и массового литературного движения доказало полную правоту Горького, исходящего из ленинско-сталинского учения о культуре.

Советская литература с тех пор выросла и в количественном и в качественном отношении. Особенно много новых значительных книг появилось за последние два года. Здесь выдающуюся роль сыграло решение ЦК партии о перестройке литературных организаций. Решение от 23 апреля 1932 г. вызвало плодотворное творческое соревнование в среде писателей.

Комсомол с гордостью мог заявить съезду писателей, что и комсомольцы, работающие на фронте художественного слова, не ударили лицом в грязь, не плескал в обзоре. Писатели, воспитанные комсомолом — писатели-комсомольцы — являются силой и рядом — в РСФСР, в Украине, в Белоруссии, в Закавказье — признанными художниками.

Уже с первых лет советской литературы представители комсомола работали на этом труднейшем участке культуры. А. Бегозменский, А. Жаров, Л. Первомайский, М. Колосов, В. Герасимов, Я. Ильин, Б. Горбатов — их имена известны теперь миллионам читателей. Не все из них одинаково быстро растут. Воспитание партии, не боящейся товарищеской критики, наши поэты, безусловно, стараются улучшить качество своих произведений. Напрасно надеются критики вроде Мирского или Катынина, что им удастся под предлогом борьбы за качество вычеркнуть из списков советской литературы имена тех или других писателей и поэтов. Эти критики получили достойную отповедь в речи тов. Косарева.

Но писатели-комсомольцы создали за эти годы и такие произведения, по которым равняются многие писатели.

Таков роман Якова Ильина «Большой конвейер», полный дум и размышлений, изнутри показывающий нового человека — борца за социалистическую технику. Таковы стихи виднейшего поэта Украины — комсомольца Леонида Первомайского, — полные страсти и пафоса, проникнутые духом протестарского интернационализма и ненависти ко всякому шовинизму.

Тематика творчества молодежи расширилась. Одним из первых в советской литературе Юрий Герман рисует Запад и его представитель (романы «Вступление» и «Бедный Генрих»). А. Жаров сделал попытку показать в поэме большинство комсомольца («Два паспорта»). Валерия Герасимова в повести «Жалость», показывая тип мещанина в контрасте с типом большевика, разрешает философскую проблему «вечных» человеческих чувств. Однако все это лишь первые робкие шаги. Прав тов. Косарев, указывая на недостаточность работы молодых писателей в этом направлении. Показывать не только свою среду, но и чужую, не только молодежь, но и стариков, не один СССР, но и заграничу — вот задача, которую еще предстоит решить писательскому молодяку.

Несомненно также рост словесного мастерства молодежи. Достаточно назвать имя ленинградского поэта Бориса Корнилова, написавшего «Триполье» — чрезвычайно яркую и сочную повесть об одном из героических эпизодов истории комсомола. В Белоруссии молодой поэт Петрус Глебок создает стихи высокой культуры, используя и богатства народного творчества и современную технику стихосложения.

Глебок, Корнилов — это уже представители «второго призыва» комсомольской поэзии. Рядом с ними нужно поставить имена Я. Смоликова, А. Решетова, Е. Домагатовского, П. Железнова, А. Гитовича, В. Сидорова, Е. Абросимова, Г. Плоткина и других. Они приносят в поэзию новую лирику, выражая чувства и мысли молодежи, воспитанной в эпоху реконструкции.

Поднялась плеяда молодых прозаиков: в Москве — Соловьев, Г. Бутковский, в Магнитогорске — А. Авдескино (автор романа «Я люблю»), в Украине — Кудзиш, в Белоруссии — Головач и Самуйленок, в Грузии — Чхиквадзе и многие другие. К их числу нужно добавить те десятки молодых авторов, которые работают над историей Метростроя, историей автозавода им. Сталина и др. Уровень молодой прозы пока еще невысокий. Кружок молодых писателей ограничен винеттизмом, получувствительными имен на своем заводе. Язык засорен провинциализмами и всяческими выкрутасами. Но все же нельзя опустить того мастера, типичный представитель этой группы. Надо только пожелать Авдескино не завышать лирику и упорнее работать над качеством своих новых вещей.

В Союз советских писателей принято немало комсомольцев. Уже один этот факт говорит о художественном росте писателей-комсомольцев, так как в Союз, согласно уставу, не принимают тех людей, чьи произведения не имеют самостоятельного художественного значения.

Это подтверждает, что и на таком труднейшем участке, как литература, комсомол вырос и поднял качество своей работы. Разумеется, успехи комсомольцев-писателей нельзя отделять от успехов комсомольцев-ученых (например Латинцев), комсомольцев-музыкантов (Гисаль, Притыкина), комсомольцев-летчиков (Каманин, Андиевский), комсомольцев-колхозников (Литвиненко), комсомольцев-инженеров (Гельер) и др. Повышается уровень всех комсомолов во всех областях социалистического строительства, а в деле формирования пролетарской интеллигенции — особенно. Именно поэтому рост и развитие даровитой беспартийной молодежи (прозаики: В. Бархатов, Е. Агучина, И. Сослан, поэты: В. Гусев, Дм. Борисов, Дм. Кедрин) происходит в тесной связи с комсомолом, под знаком комсомола.

Однако все эти успехи не должны закрывать глаза комсомолу на то, что в воспитании молодых кадров литературы далеко не все обстоит благополучно. А. М. Горький отметил распухлость и безкультуры некоторых писателей из молодежи, в том числе и комсомольцев. Целый ряд сообщений с мест, письма писателей-националов свидетельствуют, что здоровой творческой среды у молодежи еще нет, что она не учится, а слоняется по редакциям, не работает упорно над каждой строкой, а замачивает халтурит.

А. Косарев, выступая на пред'ездовском совещании молодых писателей, больше всего напирал на качество. На качество произведений, на качество людей, создающих эти произведения. А. Косарев призывал молодых писателей к яркой, бурной — не в гусарском, а в большевистском смысле — жизни. Он призывал к учебе, к кропотливой работе за письменным столом. Надо привыкать, написав вещь, отложить ее, чтобы еще раз вернуться к работе над рукописью, прежде чем отнести ее в редакцию.

Лишь это сочетание жизненного опыта писателя и культуры писательского труда обеспечит высокое качество произведений. Только следуя этим указаниям, молодые писатели будут расти дальше. Сейчас, в дни писательского съезда, когда обсуждаются достижения советской литературы и намечаются дальнейшие пути ее, надо еще раз напомнить об этом всей писательской молодежи, всем литкружковцам завода, шахт и колхозов.

КОГДА УМЕРЛА АСЯ

РАССКАЗ

... Как же так, нет Аськи!

На кладбище весело пели птицы. Асия гроб зарыл под рябиной. На листьях свистались капли — роса или дождь...

Помпаноу лайбим веселим коком. Ну вот и все. Больше нет Аськи. Какка веселости!

Помпаноу сидел на теплом ямке. Такое солнечное утро — все звенит... Там пахнет трава. Деловито бежит муравей, перетаскивает худую личинку. Окузачини... Как же так, нет Аськи? Ну что же! Она выбегает галстучку — платок в синюю клетку, на шею — родимое пятно. Всегда умывается. Она всегда умывается. Смешно переувлажняет, точно утка. Как она радостно и важно переносит свою беременность. Как-то они трою суток не виделись. «Колька, послушай, как он каркает». «Да ну тебя, погоди, я весь в ямке». «Да ты послушай. Колька, ну, послушай! Приказываю вам, помпаноу, слушайте!».

Он осторожно приложил ухо к теплоту, крутому линому и прислушался.

— Самшину?

— Не мешай. Нет... Ой, самшу! Самшу!

Помпаноу рассмеялся. Смех был жестковатый...

— Николой, подождать тебя или вати?

... Он ошучил. На дне сидела старуха — жероботник Федотов. Тербала садме стрижимые волосы. Курчала. Больше ничего не было. Все ушло. Значит, он уже далеко так сидит.

Юноша быстро вскочил, точно испугался, что Федотов начнет говорить... И снова сел. Старуха подошла к нему. У нее было сконуженное лицо. Села рядом. Сомнинно тремо спину. Тогда он расслаблялся. Садме темляк по лицу, он размазывал их кулачком, как малячник.

...Агу, агу, миленький...

Старая женщина молчала. Она не знала, что сказать помпаноу, хотя у нее было сердце от печали и жадости. Было страшно видеть этого всегда бодрого, энергичного и даже немного грубого человека плывущим навстречу.

... Вечером Николай уехал в красной город на курсы комсомольских работников. В полотнодле обрадовались путевке. Она была очень кстати: пусть поедет. Так будет лучше.

... Он захотел поехать немедленно. На станцию он не шел, а бегом. Никто качался звездой — точно тамлема гродил винограда свесился с неба. Было душно. Шумела сады.

Через два месяца помпаноу возвращался в станицу. Как с прощайкой? Эдак ли начальники? Что делается в «Слетом луче» и в «17-й годовщина» — это его колок... Достроена ли табор бригады Горюшко?

И только когда незаметно дошел до избы, где жи, сиротливо занямо сердце. Он не бая там дня два поворон жизни.

Тетка Наталья, старая хозяйка, добрая женщина с широким рябым лицом, встретила помпаноу него радостно, него испуганно:

— А мы тут вас ждали, ждали... вслазилваля она и круталась вокруг помпаноу, поволяла на большую пеструю носку. В комнате таяло печным хлебом.

Помпаноу покосилась баульчин.

— Умыться бау, тетя Наталья. Не смалала, в полотнодле еще кто-нибудь?

Тетка Наталья, не отвечая, ушла за перегородку.

— А мы все тут ждали, ждали, заждались палецкую, — проговорила она за перегородкой. И одождрило замалщались странные звуки, точно воркова гоуде.

Кувшин с водой качнулся в руках помпаноу. Тетка Наталья выгладела из-за перегородки. Ее рябье щек трясилось от волнения.

— Вот, товарищ полотнодла, гадки, какие мы хорошедела в веселье. Без машинной тытки растем, а раскрасавицы!

Она протягивала помпаноу гоудой кулак. В кулачке шевелилась ребенку. У него было влажное от слез глаза. Бледные пальчики.

Помпаноу неуважно схватил кулак и сел на табуретку.

Старуха торопливо и путливо докладывала:

— Пришла ты тогда с похороном... уехала быстро. Не спросила, а мне сказать побоялась, на тебе лица не было. Думами: померет девонка, докторка не надеялась. Асенка померла, а девонка жива осталась. Отходила им се с товарищем Федотовой. Да ты хай дерзачин до се испустит? На другую руку возьми!

Тетка Наталья ловко взяла гоудой кулак и снова владела в деревянные руны помпаноу. Помпаноу был так поражен, что у него стучала зубы «Она» жив! «Она» живит... Не мог говорить. Испуганно смотрел на маленькое лицо. Настоящее человеческое лицо, только очень маленькое. Впервые за свою жизнь он держал в руках ребенка.

— У тебя ни отца, ни матери нет, — шептала, утроба подалом слезам, тетя Наталья, — не к кому тебе отпрать лите. Да ты не крушка, товарищ Петру, выходи. Да что ты, бою с тобой, товарищ Петру, зашла весь. Сажай славетко.

Она обложено взяла кулак и унесла за перегородку. Помпаноу бросился за ней.

... Сейчас кормить время. Товарищ Федотову велела по часам кормить. Товарищ Федотову за Черной Балае сейчас. Она как присажает, всегда заходит. Давеча начальник заходил, градусник принес...

Ребенок лежал в располотной кроватке, рядом с кроваткой помпаноу, и тоненько плакала. Он уже умел плавать. Настоящие слезы светлыми горошинами катились по щекам.

— Что это? Почему она! — вскрикнул помпаноу, хватая за руку старуху.

— Ить прости! — засмеялась тетя Наталья, — агу, агу, миленькие, агу, зоренькиные. Сейчас тытку дадим.

Она вынула из кастрюльки стелакшиный рожок, исполненный маслом, приблизива сосок и губам ребенка.

Николай напряженно слушал, как булькает молоко в рожке.

Насытившись, его лоть умпротворено закрыла глаза.

— Гептр вди, — зашипела тетя Наталья, выталавшая помпаноу, — иди с богом. Мы спать будем.

Николай вышел из избы точно во сне.

У него сморщилось лицо, словно он сидел в темноте, и вдруг свет брызнул в арачи. Может быть, он умяблался?

В самом глубиним сердца поднималась горячая волна.

Может быть, это была радость...

Над самым дальним молоком леб... Садн цвела, и по станице палили сладкие звелки яблони.

На месте «экзотических» сайлей (одна из них видна на снимке) Растет столица
Армения превращается в

МАРИ КОЛОСОВ

Э Р И В А Н Ь

Мой читатель! Нам дали треть печатного листа на путешествие в Ереван... Пошли! От тебя не требуется больших усилий: все забыты и выла на себя. Власти забронировали. Поезд подойдет через пять минут. Мягкий голос султара утешает, что это будет именно так. Он говорит по-русски и по-грузински. И это не удивительно. Мы сидим в зале ожидания нового тифлисского вокзала. Вспоминаю рубли Московско-Курского поезда: голос нарочито сух, голос без оттенков, как стихи плохого поэта, голос-смех.

Однако надо торопиться. Выход на перрон. До Еревана 18 часов езды. Из них добрая половина уходит на подъем.

... Утро основательно изменено-пейзаж. Живописные сады и красочные, крытые черепицей домики сменяются черной, без конца и края равниной. Рядом дома, выходящие из черного камня, с прямыми грядками крышам выгадают как кованые сулдуры. На редких станициях в буфетах продают вино и фрукты. На перронах курды, курды, курды — бывшее дичье племени. Рослые, крепкие, в огромных башмаках, с жеман и детками — последние краски старого, конечного уклада. Это они, их братья, их отцы затравливали царей и султана да мерно армянское население. Теперь курды работают на стройматериалах, и мы еще увидим в ста верстах за Ереваном, у турецкой границы, цементный гигант, выстроенный курдскими удальниками.

Помню сам, читатель, описание гор у Льва Толстого? Очень хорошее описание. Сначала дается предугадание гор, затем горы. И с этого момента, какая бы мысль ни приходила в голову герою повести, горы армяются в иде. Например: «Я остался должен полковнику Н. воображаю, что он обо мне думает. А горы? Идет человек — а горы? Саркисит арба — а горы? Горы попрежнему армяются в сознание путешественника, окрашивая все его впечатления, по есть нечто более впечатлительное по своим контрастам, чем не мог увидеть герой Толстого, — это строительство. Предугадание

его возникает, когда приближаешься к Ленинakanу. Новые, высокие, многоэтажные дома долго не выходят из поля зрения. Здесь еще не использовались розовый камень, поэтому дома напоминают графит, резкую, суровую, чуть мрачную, точно они окутаны темной вуалью. Они как-то не соответствуют новому укладу жизни Армении. Не даром архитектурный мисьяр Армения страстно дискутирует этот вопрос. Борьба за розовый цвет против черного камня уже дает свои положительные результаты. По мере приближения к Еревану мы и этом убеждаемся. Мы видим ровные дома проросшие из Гурдиз и Франдиз, работающих на бизнесских строительных.

Мелькают люди, погоняющие быков и цыплят. На вышках корням с провозом, бегит вытывают стройматериалам. И вот уже слышат стационно здания. Поезд останавливается у перрона. Мы в Ереване.

Ереван — старинный город, расположенный в долине, примыкающий одной своей стороной к гора. Другая сторона лишь на горноето обрамляется горным хребтом, входящимся за пределы Армении. В этом горном хребте особенно выделяются знаменитые два бесовенных конуса Большого и Малого Араарата. Это тот самый библейский Араарат, который по тем или иным причинам является подаложением большинства человечества. Шоальники пяти шестых мира еще и по сей день зубчат на уроча закона более легуду у Носемю вочеве. Их живое воображение видит белую измученного старика, качающегося как на качелях в морских злых, и восточну с желной ветхой в классе. Иные воображают голубя с писком, за что бывают неадудо биты, и только ветка без листьев вылоо единичн в дневнике выколочивает за них побудую блавы.

Ереван — город контрастов. Для человека, знающего облик Советского союза, контрасты — обычное явление. Контрасты, выражающие борьбу нового со старым, уже не

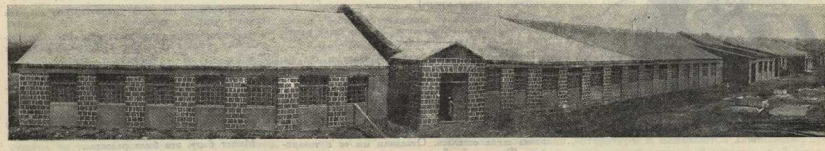
удивляют советского человека, но в каждой точке Советского союза они имеют свою окраску.

В Ереване, аэроутомном центре бывшей Эриванской губернии, до революции едва насчитывалось 40 тыс. жителей. В Ереване, столице советской Армении, напущенной на себе все ужасы империалистической войны, нынешние инвенторы и власть дашнаков, насчитывается 150 тыс.

В 1921 г. город представлял собой огромное пространство. Сегодня возведены уже новые, вычуженные дома, образующие просторные улицы и площади с памятниками Шатуризи и Абовяну. Город получил водопровод. Прокладывается линия трамвая. Выстроены студенческий квартал, состоящий из десяти вышних учебных заведений с прекрасной оборудованными лабораториями и общежитиями. И это в городе, где до революции была одна мужская и одна женская гимназия. Выстроен оперный театр, и строится здание гигантского театра, который по своим размерам будет одним из крупнейших в СССР.

Не будет преувеличением сказать, что Ереван представляет собой сплоченную строительную общину. Строительством живут все, от мала до велика. Вот почти законченное здание Наркомзема. Оригинал его в фресках воображает весь процесс сельскохозяйственного производства. Народный комиссар все свободное время проводит на стройке, он охотно идет нам на разяснения, рассказывает о спорах архитекторов и проектировщиков. Невольно вспоминаешь «Белый город» Стевана Эговя, повесть, в которой очень тепло отобраны строительство Еревана и дух участников этого строительства.

Ереван — город молодежи. Один студент составляет пятую часть жителей. А рабочая молодежь? Завод СК-5 (завод синтетического каучука) строится почти одной молодежью. Это исключительно интересная порою людей: от заместителя до инженера, от рядового комсомольца до секретаря ЦК.

Строят мебельный комбинат. Он будет выпускать мягкую и гнущую мебель для колхозников и рабочих Армении.

Армении Эривань
слеза! вырастает благоустроенные дома,
в один из красивейших городов Союза.

— Красоту будем заводить потом, сначала надо построить завод, а потом уже пейзаж. — говорит секретарь комсомольского комитета СК-5, выставляя ноги на толпой земли, в которой они уезжают по цыклопеду. Он очень легко одет: синяя спортивная куртка на выкате брюки, ботинки без каблука. У него довольно холодно, и он время от времени дыханием согревает руки, но делает это механически, холод не доходит до верхних центров, которые выдают этот ощущение. В мигах галая секретаря скрывается ум и самоубийство. Он практикант, учится в Строительном институте. Таких практикантов много. Их называют молодотцами (прива Молотова об отбывании практики студентами индустриальными душой).

Пойдем на комсомольский участок, где все, начиная от камбистов и кончая начальником участка, комсомольцы. Познакомимся с лучшими ударниками. Это Хачиг Назарян — секретарь комсомольской ячейки зарбонтоного цеха и бригадир комсомольской бригады им. 15-летия комсомола. Ему 18 лет. В комсомоле он пять лет. Родителя его — колхозника в Котайке. Его бригада выполняет план на 150%.

Ваган Авдальян — бригадир бетонщиков, окончив техникум строительных и отбывает практику, согласно приказа 7. Орджоникидзе. Ему 19 лет. В комсомоле — с 1929 г. Выполняет план на 130%.

Наконец, Леон Артинян — комсомолец-инженер, член бюро коллектива, кандидат партии, на чьих 1-го комсомольского участка, об единичного 15 дней и держащего звания первенства. На участке Артиняна 80% молодежи и только 20% взрослых.

Направляемся в общештатное молодежки. Оно расчитано на 425 чел. Есть красный уголочек.

Комсомолажи не ограничиваются кулуарной работой в своем общештате. Они проводят беседы среди рабочих во всех бараках, читают вслух газеты и разговаривают решения ЦК и Совнаркома. Они зачинщики клубов и театров.

Большинство рабочих молодежки, в том числе и чернорабочие, окончили семилетку. Малограмотных всего лишь 15%, а ликвидировавших свою неграмотность — 10%. Систематически работают четыре кружка актива, литературский, два кружка шахматистов.

Каждый молодой рабочий имеет железную кровать, зеркало, матрац, подушку, одеяло, спелывающую, зубную щетку и порошок. Многие премированы деревьями, шахматами, выделанными, шахматами. Заработок хорошего бригадира Арабата Гипиана составляет 16 руб. в день.

В гостинице, где мы останавливались, отличной гостинице, не уступающей лучшим отелям Европы, живет крупнейший армянский писатель Ширван Заде. Русский читатель и зритель знают его по роману «Нахус» («Честь»), Фламм, сделанный по этому роману, обошла все экраны Советского союза. Этот могучий старик, высокого роста и плот-

ного сложения, сангвиник по натуре, выкладывает мажором для своих 78 лет. Он утверждает, что ему всего лишь 39. На его пылавых щеках еще играет румянец, едва-едва можно уловить морщинки под его глазами. Передвигая очки на кончик носа, он смотрит вверх очком пылавыми, живыми глазами.

— Я старый человек, и я складирую свою старую, седую голову перед Владимиром Ильичем Лениным за блестящее, единственное в истории человечества решение национального вопроса. За все время, что я живу, я ни разу не слышал оскорбительного слова «армяшка», и я очень хорошо помню старую Эривань, старый Тифлис, подымивших армянских гулак, развешенных тушиц, на каждом шагу армянских это слово.

Ширван много лет прожил в Париже. В Армении он недавно. Я спросил его, не скучно ли ему в Эривани после Парижа. Он мягко, по-детски уямбулся.

— Помнящие, как может быть скучно! Ну как вам это дать понять? Вот и недавно слышала на

улице разговор работницы и красного командира: они условившись вечером идти в оперу, а потом на народном, откуда краском должны была идти в Ленинскан. Ему надо было к часу ночи быть в Ленинскан. Не надо, как для вас, но для меня, знающего всю историю Закавказья, такие впечатления острее всех впечатлений Парижа.

Разговор перешел на литературу, и Ширван Заде, отмечая ряд молодых дарований, порывался непременно поговорить о старых темах, в свое время волновавших национальных писателей. В старой литературе он ценит простоту стаян. В наше время, когда к художественной форме потянулись настоящие читатели, простота стаян должна быть основным качеством литературы.

— Советская власть провозгласила мне звание народного писателя, обеспечила мою старость, но я вовсе не стар. В моей молодой стране я чувствую себя самым молодым — так много хочется писать, так юношески свежи все восприятия. Вот только превратиться трудно, — он постучал в грудь, — а то бы и пенком исходил сейчас всю страну!

Для строительных рабочих воздвигнут великозальный клуб.

МИРКИТАН

Мечтает

Проехать к Миркитану — дело сложное. Если не считать пути до Одессы, то я тогда придется долго переписывать. Самолет, посаженный на автобус с крыльями, долго летит недалеко от сверлящего моря. Мутный Днепр вло колышется в глубине, разноцветные ромбы и квадраты полей и садов разлетаются по сторонам, сножище паруса колыхают на горизонте.

Встречный ветер ударит в грудь самолета и образует в воздухе ураган и буряки. Помытую гигантских крыльев начинают трещать, и самолет ныряет, заморозившая сердца пассажиров. И только непоколебимая спина пилота успокаивает людей.

Резкой спиралью аэроплан идет на снижение, и вот он уже гурлою похвастывает по выжженному ослонцу черноморскому аэродрому.

И здесь начинается необычное. К аэропорту подкатывает пассажирский фургон, посаженный на износивший товарный вагон. Обычный человек сидит на красном козле. Он разговаривает. Через несколько минут все узнают, что он никогда не видел трамвая, не ездил в поезде, не плавал на пароходе.

Все сочувственно покачивает головы. Визгливо человек добавляет:

— А на самолете я летаю несколько раз! Ничего, подходице!

От легерного воздуха земных механизированных передвижений и сразу динута в подбрюшье. От Херсона до Белой пристани пролетитесь к Миркитану надо на пароходе, мимо ярких лавней, мимо блестящих приборных озер, мимо звонко расквашенных приднестровских деревень.

Вон, загрохочит голову, перепахает реку козла, приваляная и моторной долге. Моторист спешит: черной с красным пароход под авеадим заморским флагом приближается к востроженной козле.

От Белой пристани до Бехтерской МТС грузовик идет два часа. Редкие оги слезы продолжают в темной синеве. Огль «Колосина кулуарта» * возникает из темноты и — снова желает от прожорателя дорота, окруженная синевой и релким огином.

Путь к выходящему трактору Грицько Миркитану лежит мимо другого трактора — Микола

Соловьева. Совсем недавно Грицько был таким как Микола. Сейчас Грицько его обогнал.

Запросы, планы и мечты этих людей отражают настроение сотен других передовых трактористов, триблатных, лимблантовых, распутич. Меланхо, но неуловимо старается в их облике черт сивомышника.

Микола Соловьев 22 года. До колхоза он был бедняком, сейчас живет вкраску, в отдельной квартире, украшенной картинами, зеркалами, пинкорофановой кроваткой. На столе у него черныша и перья, технические книги. Он бригадир в колхозе, влиятельное переходное звено МТС. По молодости он удалит тракторной работой догналка. О чем бы ни пошел ни спросил, разговор переходит к трактору.

— Вот вы говорите, чисто живу, в порядке. Мне на работе без чистоты нельзя. Масло надо бы чистить в шампунь, катушки промывать, чтобы ни пылины.

Говорить с ним об отдалке, о досуге — Микола оинять за свое:

— Отдалка у нас любит, иной и на работе отдалитесь нечелов. Он бьет ми за симуляцию.

— Ты, Микола, что купил в прошлом году?

Он скорогворной сообщает, что купил часы, пальто, костюм, на животы много денег интрали, ливки из подорож.

О бытовых удобствах говорит асвольда, о стелгазете охотно:

— Кто попортил пахоту или подлинник расплава, как динем заметкой — оно и дало.

От забот своих стронется он к вессам картинкам и книжкам. Сдержанный и немного скучноватый, он смеется, вспоминая картину «Пат и Паталон на суше и на море».

Как люскова томень из воды, ну, дулма, пропуть от смека.

Любит он также смотреть и читать про ковбов или «как жана ного-либууд кроют».

Но он недоволен.

— Сидит жинем, да скучно, по-мушному. Из книжек разную чепуховину нам заводит, снокуют с нами, али тошно, а из картин редко какую запальшоим... Хаюок и хаюлок нам повазывают, алтудит до безустыния... Хотя видела еще хорошую репу, из украинских. «Патала Патаварка». Приятно у нас, товарищ дороты, так устроено, что когда в кино или придеши — на лучших местах торговца сидят и парваны, а ударили галдибуид в утробе жинем.

Микола ничего не читает, кроме книжек по тракторному делу.

— Меня чтобы от трактора на минутку оторвать, надо чем замечательным заманить, да непременно чтобы попалась хорошая книга. Знаю, есть хоршине, а у нас тут не попадаются.

О бытовых делах Микола говорит так: — Паубу надо нам просторней, спешкова покроя алого — не годится, надо комбинация сделать, чтобы не выдирался. Полотенце каждому требуется, а у нас в всех — два.

Везинго он отдалается, начинает грустить:

— Вот, товарищи, если о мечтах скажете... Сидишь, мечтаешь насчет благоустройства или еще чего, а то лесни начнешь сивать. Вурт лавий. Зависие части в голову лезут, и о них забываються все мечты. И прямо убоа выладет да эти зависие части. Подлинников не хватает, за галдыми, за поршнями хоть ишебу шани, воланчатых валов не хватает. Правы, засейдя в подлиннике и востис вместо зала, Оттого и мечта все на них улетит, дороте товарищи!

И тут возникает у него новая мечта: поехать на завод, где зависие части делают, и поглядеть, что дело торюют.

— Я поеду и узнаю, — уверено говорит Соловьев. — И навалю, — добавляет он. — А после буду о других делах мечтать: о картинках, да о играх, да о книжках вессам.

Но закончи-то путь в Миркитану подходить и кончу. Широколицый, светлоглазый, удурный и лядный до новых впечатлений, Миркитан появляется на первом плане.

Отвратительной его чертой является завышенность. Он начиняет разговор о смешном:

— Вот у нас на чисте партии спросил у одного: «Ты что читаешь по истории партии?» Он в ответ «Василия Бишнев» читал, «Ковина-Горбулка».

О милах и насчет койки мечтает, не приходится. — Астана Миркитан в беседе, — тут только нажать партия. Глядите! — показала он на падающую за пятном.

У козоту полотноца, притнутого к телеге, сидела старая дитялка. Серый козоту динута у ее ног, агорелый мальчишка играл со щеноком. Острые удары молота доносились из-за поворота.

У новонамлив ледяная огромные валеса от мототрики. Над ними хлопотала красная цапга лет тридцати пяти. Он юлами поддорывался с Миркитаном.

— Зарово, Грицько!

Над лодыжем выдвигалась мощная деревянная постройка, похожая на увеличенный раз в четыре товарный вагон.

— Мечтат тут не приходится, — оиня начал Миркитан, — галдите, какую паубу отвалить.

Гольмо козаса остался привинать.

Рядом с ним стоа директор Бехтерской МТС.

— Да, — сказал он, — ничего, только как вы этот небоскреб в стень потяните! Придется безрельсовые паровозы завезывать.

— Без паровозов на «днок-дирях» дотиним. А то «кватердшлар» от вас потребуем.

В паубе оказались отчаянная хлоота, столовая, красный уюток, душ.

Грицько Миркитан, Михайло Калитца, Расий Андрей-младший, Расий Андрей-старший, Заверковский Матвей, Петро Коврига, Милюк Алексей, Михайло Васильченко — это был длин отдален стинное жилище и 1936, Калитцу 46 лет, остальные — от 20 до 25.

Миркитан сказал:

* Гостиница «Колхозная культура».

— Мы бы и фортельно приборили, только бычесь, куры бы гнилы в нем навили. Была такой славой в господном текстильстве.

Павлы и моты Гришко Миркитана отгадывают от простых заводов большинство трактористов его колхоза. Мало, чистая кобыла в стани, ботинки для сына, сподвига — это для него не мечты, а за два котла надо решить сегодня. Они его зашивают, но не очень. Норму выработают ей перешагивают привез. Керосину от экономки 505 килограммов на 160 га. Витня курята, два костюма, вышиванка, жовтий новий хата, вдова вдова — все это у него есть, и не о чем тут разговаривать...

В 1919 г. Ревенсонский приказав демобилизовать Павлу, всех перешагивают. Миркитану? Было в это время 10 лет, и он «слухали» в 15-и херсонском полку. Штаб дивизии собрал расклиндов по частям бездвинского рейбейте в армянский лагерь.

Через четыре года ему захотелось стать «нашим» по киношности. Он поехал в город, в киношность с путевой комиссией незаметных селами. Но его вышлалли оттуда без всяких обещаний.

Тогда, разочарований, чтобы только куда-нибудь определиться, он кончал в сельхозкомуну им. Петровского.

Но работу ему давали не по вкусу. Он дивину к морю поспе четырех лет коммуну.

Он попла в Крым, на парусно-моторную яхту «Ай-Петри». Три года плавал он работавшим пародом, был дельфином, ловил форель, первенство спортивной рыбалки в Крыму. Чудом морского побегеря. Он работал у кулака-капитана.

— Нас трое, — говорил капитан. — Я не аккомпанитор и покупать труд не хожу. Мы все раны и долгием получать зарплату три человека — три пая. Но мне принадлежал мотор, — я его считал за одного человека. Но много? Но мне принадлежал судно, — и я считал его за одного человека. Правильно?

Весь доход он давал на пять частей. Три принадлежали ему, две — моторам. Перед этим вычислялся расход на газоснабжение, на парусную, на стравку. Расчеты были кропотливые, и на деле оставалось мало. В особенности для батраков. В 1930 г. капитана раскулачили, неважно на его «переломе впадал». «Адмирор» Миркитан выжилась к тому времени основательно, у него было много денег, и он отом батрачничал, или жеяния шляться по черноморским портам.

Так он попал в рядовые колхозники «Прометарской бригады».

Сейчас Гришково обещает его заселению уйти от кулацкой шпильки в колхозе обществу.

Через три года после этого события люди из района шли по дороге, разсыпавшая хата Миркитана. Десятьлетий мальчишка в широких штанах перебежал ямцу.

— Эй, Вася, где Миркитан живет? Мальчишка выскочил провозвать «до Гришка».

— Ты кем будешь, когда вырастешь? — Або митуню або трактористом.

Лити по-украински — летчик.

Насчет летчиков паруб бы освещали слабо. О заводах профессии трактористов он знал по радио.

— Ось як до Миркитана адут, все литают до порога, а два хата, но бачили? А в саторийи его збила не посылала? А порок в его...

В прополку у Миркитана — бессонные мелоды у окладывающих подшивенко, слышайща для укустуваня.

Сейчас он чують слышит димаше трактора, работает одну секунду, успева дельта больше чем в своем обеме за сутки обезд каждой дельты.

— Интересно за Дмитритова и Ганева, — говорит Миркитан в ответ на вопрос, что хочет узнать в ближайшие время. — Мало рассказывают за их, все ярчают «ура», а чтобы толком, само-

стоятельно человека описать — не выходит дело. Так и скажите.

— «Районный ударник» и «Крестыанскому». Ничего газеты, занятости в них надо добавить, чтобы душа влодухала, скупого показывает. Вот бюллетень Наркомхоза тоже вышлалли, второй номер я так приложил. Что же, спасибо им вместе с почтой за ударную работу: номеров пять не получаю.

Он долго вспоминает интересные статьи, кроме тех, что «обещали» рассказывать.

— Вот интересно в «Крестыанской газете» запечатли переписку летчика Михеяса с трактористом Демидого. Рассказывала люди какой-то прохладой, как будто владели. Мне бы тоже с таким модоским летчиком связаться... им так передайте.

— Я летчиком зыла, была тут аптискарская. Меня вышлалли хатать, да из-за бури не вышло. В другой раз поеду.

— Он молчит несколько секунд.

— Вот писла также за павнери; как они у нас с ровного места поднимают? Сколько один стобит?

С первого взгляда может показаться, что Миркитан перескакивает от одной мысли к другой и не умеет сосредоточиться на важном и главном. Но на столе у него лежит серьезная книга: «Тракторное и автотракторное хозяйство». Читается до предела от постоянного сложного языка, нескрипяти (бо доволно язык с тусклыми фонарями пахает). У него много размыкает другую важную книгу, Губинская «У механизации».

— До какой степени когда доберешься — вопрос. А читаться надо.

Миркитан книг прочел немало, пьес и картин выдал так же много, но читать и смотреть как ховая живина. Он не хочет скажет что думает.

— Книг у нас в библиотеке много, а читать негде, какие-то сладкие, посмотрити первую страницу — воротит. Хотя понавлясь прочею князья, правда. Вот «Глади Дев»... Только Дюма и Марк Твэн лучше пинуть. «Принц и цирк» в примери на «Щельце дельвала».

Миркитана зашоривали в апопичности, но он поспина:

— Надо, чтобы вроде того, как багаторядейды бьют или насчет борым с кулаками и фашистами, а написано не хуже «Принца и цирка», чтобы за душу брало. А можно и так прочитать, дал занятости. Сказати, что «Щельце дельвала» Шолохова, говорит, что здорово сделала.

Миркитан говорит о литературе и об искусстве. Он любит движение: чтобы люди волновались и летли вперёд, а не «охлали». Он хочет, чтобы в литературе была поэзия и лиризм, чтобы не улетучивало, а иногда разочарованно вспоминает о романах Льова Берия и Майн-Ридла: «Такой язык, как у нас, не было, а как писали, как писали!»

У нас в литературе «Бесстыд» так же мают? Наривает Миркитаню Гоголю.

— Только чет его в нашей библиотеке. Я бы в уроках и Гоголя купил, и сотни не повила за графина книжки. Только не выдать у нас таких...

Привозили как-то в «Прометарскую бригаду» кинофильм о гибелни комсомольцев в Грополе. Трагедия, славная в чрезмерно студених натуралистических тонах, раздалаща Миркитана почти до слеза. Но он отступительно смеется, садясь за приключенческие Фербенкса в «Знаке зерно».

Отлично помнит Миркитан американскую картину «Королева Леса».

Он не удовлетворен работой местного драмкружка и кинопередвижки. Он говорит о том, что больше терпеть нельзя без хорошего театра в колхозе:

— В урочай дельши отидем на театр с клубом.

Обовозило. Только насчет картин та пьес хай у нас не подкажут...

Миркитан напелает:

Три ямак за ревой Загробава гни!

В небо ином жар дотораа.

Сотни юных бойцов из буденовских войск На развелку в поля посылала.

— Оце сама любима с нових.

Еще долбит он «До доавим, по аватарим»: «бо наша дурна дурна дурна».

— Вот спов зябла в стани, и так обидно получается, потому не знаем, как доказать. Понимаешь, а не знаем. Или тот град витня, аиня на двана зуботого градом, аинворни с прибитым вальмак вальмак. Оттуда он вальмак? Где его димаште, того града? У него спросить? Надо, чтобы нам сказали, с чего начинать, а то за все хватились, ни черта не поймеш.

Гришко работает в кружках текущей поэтики, агротехники, книги путешествовать, но пока не знает, по каким местам. «Надо почитать, разобораться. Он смеется над бабкой, которая не хочет поехать шифра из-за того, что от милой швагачего не поспина. «Обещано он купит себе рубче и велосипед для «свободного развлеченья». Бархала поехать он себе не будет, грубошерстных товаров и витных курток болшо знать не хочеть.

— Если охота, то поехать. Там кориня бр-тиничи на резине привозит, ничего не купало. Сейчас надо бы павлю широме, димаше, с каркуваным воротином, кистом из тонкого суна, ботинки хромовые, кориняеши.

Он быстро отгадывает от этой темы и увеличено рассказывает о будущей спортопалке, о турнине и велосипеде.

Все болше трибаторамим и справедливо малым становится Миркитан.

— Железную дорогу надо провести по колхозам, поря. Довольно на грузовых ездить. Без телефона по бригадам пинудя не годится! Радио должно быть в каждой бригаде.

Напелосмо он добавляет:

— Надо нам толкое повияте иметь, какая при коммунизме дельва будет. Весело будет или как? В ямак толкое будеть, аиня скамаю комбайна привезати, аиня кохозае будеть...

За сотни километров от железной дороги, в рядовой колхоз «Прометарская бригада», окужанский дивиним и садим, привозим и прочею обовозила, аиня мототи, аиня мототи, аиня мототи. Люди, которым суджено было быть ничем, стали помпознейими людьми. Из хаса и бескультурья, из вековечного хамства и рабства возникли коммунистический колхозники между колхозами и передовые стромена. Милова и Гришко знают, чего хотят, куда идти.

Но хочеть, обдумывать, требовать, мечтать — мало. Нарядно Гришково и Милова повозают, что из дивиняной роли ограничена работой на тракторе и ожиданием прихода культурных благ в деревню. Социалистическую культуру надо осваивать и создавать, но доживаться никак и поощрять. И изучение трактористами аиня первое место — не выдхати, а настоящие действовати!

А людям, «слабоживущим» деревню культурой, необходимо знать требования трактористов, изучать их на опыте и мечтах. Довольно приобщения и сисювати! Не популяризе сладкие брошюры и пьески юных колхозной деревни, а полннине художественные произведения. Давно пора разработать культурную политику колхозной молодежи, строить массовых размеров клубы, театры, стадионы, организовывать научные курсы, консультации, библиотеки, культурные выставки. Во многих районах для этого есть все условия.

ГР, ПЛОТНИН

В Д Ч З Н А

Ми славно слово вилану,
Наривуриши радий Г тив,
Ми славно слово вилану,
Ось и вайкрайша саи.

Співавця гімни повстанців
В червона фарбувані дні,
Вілічнів виланув у шивачі
І несли в коші.

Вілічнів вставала поштуру,
Щоб з ворогом бити кошов.
І продавала Петлюри,
Деникин і Махно.

Розбитий на голову вериг
За війна приволавим літ —
Вілічнів обринує порох
З своїх порудчих рук.

Уватор зростають угору
Бували високі, стрункі,
Заводи вистають і лінійор,
Коловирні літані.

Наснагуе кожен атом
Безальби краю вєши,
Вілічнів на стратостатх,
І в таборі Шміда вона.

Вона у колгоспній бригаді
Іх зовби і мєтєт, доволно приобщения
І радить,
неуважно прихлєт

Укупі іх нево іє.
Вілічнів на виланх
В шихтах нових метрн,
В нас вров комсомольці Триміла—
Високі вистєт ково.
Що хвилі зростає гірнє
Гам,
Так будемо ж савати вілічнів,
Високу вілічнів сави!

ПЛ. ИПОПОЛИТОВ
Заслуженный мастер спорта

МАСТЕР МНОГОБО ДИНА

— Попробуйки Степан Дмитриев с беспокойством поглядывает на часы. Не хватало времени остановиться после первого номера. А ведь надо проработать стила, заложить базу, упрямость прыжка.

Молодой значок уже мог брать в прыжках метров. Неплохо шла работа—удавались броски в среднем за 11,7 секунды.

Но чтобы справиться с московскими, ленинградскими мастерами, придется с быстрой походкой, стремительно выходящими из воды, идти в погоню на 10 километровую часть многоборья, куда каждая и прыжковая спортивная, и являющаяся советского физкультурного дела.

Для каждого из двух десятков значковых дел в Гурьевке он пошел с чувством беспокойства, ари, лишней раз пробежаться по дорожке, пережить жару в черном яблоке мишени.

В Гурьевке охотился лучше многоборья. Из него таня. Из Ленинграда, Харькова, Киева, с Дальнего оспаривать всеобщее звание лучшего значка. И Состязания начались со стрельбы.

...49 из 50 возможных! Это был первый раз, когда мастер остался позади.

...170 сантиметров высота. Второй прыжок. Стометровку он погнал в заданное время—сразу. Срабатыв в длину он прыгнул на 6,20 метра. Как охотник за зверем تلاش Степан за спину поручень лышка в крепких челюстях, он ползает по ждению.

Тяжело было в поезде. На пути попадали в середине водного перехода вода дошла до груди. Еле вода выжимала вверх.

Степан упорно шпал, несколько раз хлебнул. На берег вышел первым из всей колонны.

Долго не смакующия алодисциплины был по Степан Дмитриев.

После него являющаяся выдающаяся физкультурная побежда на краевых праздниках.

Старательная в учебе, упорная в тренировках ударила в институте и прекрасная спортсменка.

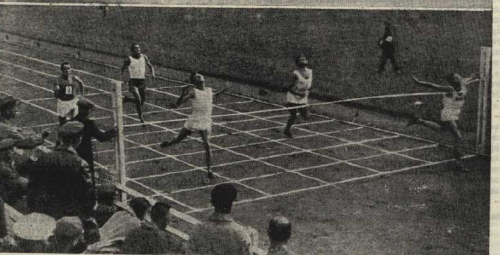
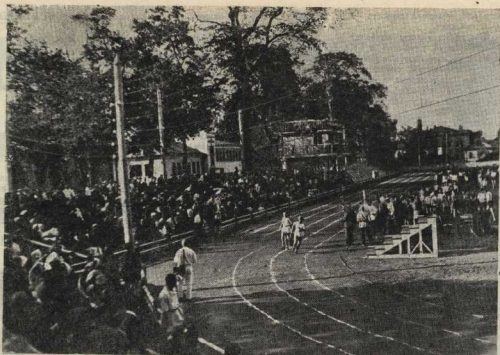
Каждый год поздней осенью три тысячи мастеров. Они изучают маршруты, обсуждают тактику велосипедистов. Отбирают лучших, отдают на тренировку.

Тренировка идет одновременно по всем дисциплинам и водную стацию раз в декаду, прыжки и плавание.

А вечером идут в тир. Военноспортивное отделение поощряет соревнования со скалкой шишаи и с лодкой.

Наконец, наступает день соревнований. Выступают на воде, прыгаются в заламвах, худят вперед в воду.

Честность, плановость, увлекательность соревнований, успешное «совместительство» ударной творческой работы это определяет динамовский стиль.

ДИНАМОВСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ ПО МНОГОБОРЬЮ В ГУРЬЕВКЕ

1. С напряженным вниманием следят зрители за бегунами.
2. Стремительный бег, пружинный толчок от планки — и прыгун взлетает над взрыхленным песком...
3. Еще мгновенье — и спринтер рвет грудью ленту стожатрзски.

РА РЬЯ— АМОВЦЫ

...мывала на численник, отсчитывающий дни пребы-
тия на каждой физкультурной дисциплине, на каждом
разыгрываемый рефлекс движений, повысить скорость

...вату в 160 сантиметрах. В длину прыгал на 6 ме-
тров. Он приобрел резвость в спринте на 100 метров:

...и хайковскими мастерами, нужно было плавать
интервалами, тащить патронный ящик через про-
емы и, кроме этого, знать „мазбок“ теоретиче-
скими на водах, и вопросы международной рабоче-

...и Степан находил время: тренировался и учился.
...делось еще потренироваться, провезти себя в тепло-
е тело через палку, метнуть гранату, послать
...и приходил отпущенный мастера бег, прыжка, ме-
...тоска, с Кавказа, с Севера съезжали спортсмены
...и записался в первую команду: 18—25 лет.

...и Степан! Повеселел наш пограничник. Спо-
...и Степан!

...и Степан! Пролетела 70 метров.
...и Степан! В беге с палочным ящиком. Списки жутовый
...и Степан! 25-метровую мышеловку проволоочного загра-
...и Степан!

...и Степан! Переходил гечку вброд. На
...и Степан! Течением отнесло его восточную.

...и Степан! разовалился и равкулся вперед с удвоенной силой.
...и Степан! на заключительном вечере лучший многоборец,
...и Степан! Оляву Прибылову из г. Горького. Она много раз

...и Степан! в соревнованиях, Олява Прибылова—лучшая
...и Степан!

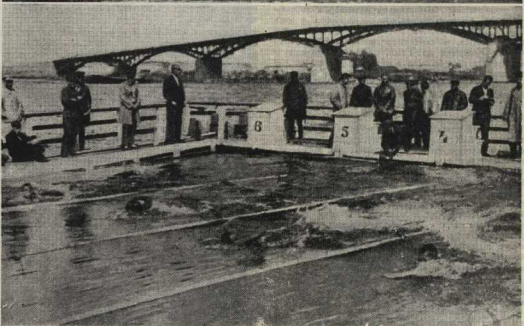
...и Степан! динамовцы нетерпеливо ждут воензированной
...и Степан! ты, назначают беззуб, лодок, пловцов, требов и
...и Степан! вы.

...и Степан! Люди, до этого посещения лодочную пристань
...и Степан! каждый день.

...и Степан! не ежегодно отмеривает по 10 километров в пол-
...и Степан! ной шиптовкой на плече...

...и Степан! три недели сегодня на старте. Противники „режут“
...и Степан! воензированной походе, переигнорят в беге...

...и Степан! тей, палочный тренаж, строгий отбор участников,
...и Степан! ты и улыбки с высокими достижениями в спорте—

ДИНАМОВСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ ПО МНОГОБОРЬЮ В ГОРЬКОМ

1. Палец на гашетке, глаз напряжен, чужое яблоко—мишень.
2. Сквозь проволочные заграждения трудновато пробраться, да еще с патронным ящиком...
3. Тренирование тела пловцов с закладкой бастротой расцениют волжскую воду...

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ

На север, на восток и на запад уходил сан и пшты, а западнее — осинники, болотина. Урмужики в водоемах подбирался к анно и клевету. Самым же городишко Урмужабр к промыслам между шумными заводскими гудками: Казинью, Ижевском, Вяткой и Нилинью, — и отсюда, как лес, к Заболотью ближе чем в Москве на Волге. Такой уж был серый, кустарно-лесной быт. Вотники, что рядом, а южнее между Урмужкой и Вяткой,—мёд и торф. Но былы рядом только артельные заводы, которые были спиварки и залку. А остальная жизнь все ушла на юг и на север.

Зато под городишком как асуду на Вятке и Велуге провидали черные бороздате кустари, которые говорили смешно примочивая языком и дедаль смолу, изловил товар и очинил. И жили они по деловым правилам: работали от зары до зары, покочались деревянному богу и чтили царя, пона и урландия.

Оттого царь и являлся их спомо доверием, и в ватке края астерды селкам царем престонок: Гоцепа, Сатывка-Щедрина, Королево, Даврижского, Вороеского. От них, от старших, и пошло по краю брожение умов, и слыла сама Вятка поставала стране царевых салу, а тех же царевых престонок. Отсюда вынеса Степан Халтурин. Отсюда же, на вятских дубер, от осинных и клеветных борозд Урмужки, вынеса Сергей Миронович Киров.

Сейчас Сергей Миронович 48 лет. Сейчас он один из лучших учеников товарища Сталина—секретарь Центрального и Ленинградского комитета партии, член Политбюро. Сейчас его имя известно всему миру, потому что это же не знает только каждый кусок котельного чугуна и алюминия. И такова уж колоссальная биография всего нашего класса, всей нашей партии — первые годы этой жизни законченны нищетою, голодом, безработицей, скитаниями, угнетением, изнурением трудом, нудими, опасными встречами с полицией.

Ватски дни каровского детства—дни традиционной спитской доли. Воспитание будущего вождя Ленинградского большевизма началось в детском саду. С пяти лет безделье, с семи — мир. И что удивительного в том, что восемнадцатилетний юноша, в скитаниях прошедший длинный путь от Урмужки до Томи, пришел, а большевиком и с тех пор бесспорно стоял на своем поступковом, младшим, средним и высшим командиром, одним из вождей партии, носителем ее коллективной воли. С 1904 г. тов. Киров — член томогского комитета партии. Его отпалит срава.

Памянный пропагандист и неутомимый конспиратор, он был одним из тех неярких таранов рабочего класса, которые медленно, но неустанно оскурились устами черной пропаганды, расцвели цветастыми устами. Специальность Кирова—пропаганда и распространение нелегальной литературы. С литературой он тогда уже аналочил бевое родство. В своей остротной манере, в своем жестком слове и в своем упорстве, хотя он сам сейчас и не пишет: любовь к острому слову, к жесткому факту, к меткому образу и метафоре. Работа с нелегальной большевистской литературой, как можно судить по всем таранам большевизма, была прерисной журналистской школой.

И в томский период его ввели для заведования техникой. В Томске была одна из нелегальных типографий партии, и вся тяжесть по руководству и конспираторству этой типографии легла на плечи Сергея Мироновича. С этого момента он становится обычным профессиональным революционером ленинской школы. Личная жизнь для него уже не существует: все часы, минуты и секунды отдаю им партии.

Уже с 1905 г., когда революция захватыва уличку, когда партии впервые вырвалась из подполья и открыто мобилизовывала массы, за Кировым слыла и Арестованность его много раз, но все обвинения все-таки предъявить не могли: Киров был отличным конспиратором. Наконец, в 1906 г. охривна собора достояние обвинительного материала против него представилась. Но продолжительный суд—и Сергей Миронович от-

Сергей Миронович Киров.

правляется в крепость с пятилетним приговором за пачетни.

Там ему пришлось пройти всю итентскую школу профессионального революционера-подпольщика: бельность, скитания, подполье, массовка, тюрьма, царский суд, крепость и ссылка.

В ссылке он попал в Иркутск и с тех пор постоянно осл в этом городе, откуда его освободили только в революцию.

Революция забрасывает его далеко на юг, во Владикавказ, здесь он проводит востину огромную работу по сколачиванию большевистского ядра в многонациональной Гурекской области. Здесь, где царям много лет воспитывала ненависть одного народа к другим, являвшаяся казавок на остии, ослет на итенту, итенту на чеченцев,—здесь особенно трудно было создать интернациональную большевистскую семью. Тов. Киров был членом владикавказского комитета обласной социал-демократической организации. Из рядов этой организации, отсюда сошли в Гурекскую область, владикавказские коммунисты, с давнейшей прерислягой, постепенно вымывалась крепкая горская большевистская организация, которая в течение многих лет вела героическую борьбу с ленинской контрреволюцией, с ленинскими-интервенционистскими бандами. Значительная доля заслуг в создании этой организации принадлежит Кирову.

Пришел Октябрь. Кавказской области, руководимые повстанческой и контрреволюционной оторядились безобаянничем барьером от Советской страны. В городах протариат яростно оставался своей рабочей парти, на которые поучалась буржуазно-олигархическая контрреволюция. В несколько промышленных центров: Ростове, Екатеринодаре, Пятигорске, Владикавказе,—окуженная бандаистами, белогвардейскими отрядами, стойко держалась советская власть. Но белым становилась сильнее. Разоренной войной крестьянство колебалось и не сразу шло за протариатским городком. На помощь белым шла сначала германские и австрийские полки, потом английские и французские отряды и золото.

Здесь в белых формировалась первая отряд Красной армии. Оттесненная в ущелье, блокжарованная тесной, дагестанской, грузинской и ленинской контрреволюцией, бесспорно держась на владикавказских и пятигорских подстанках германской XI красной армии. Дни ее беве—от кронопролит-

ных салатов в горных проходах и в бунтарских тесных вол до чудовищно тяжелого похода на Кааминдой и Астраханской степям—это влечательнейшие эпопея атак и революционного самопожертвования. В этих боек посылалась цолая плеяда революционных борцов: ленинских все тягости и дивиния многонагненых боек, голода, безобразных, песчаных походов, знаненных атак, бесспорных ночей и бундов, не змыших усталости, отпавших. Одним из вождей этой героической армии, членом ее революционного военного совета был тов. Киров.

В 1920 г. закончилась полоса фронтовых беве. Сбитая отосуду, белая контрреволюция заабульнулась в черноморских войсках, бевала под ударной атаккой крестиков с армянским берметом и зыготом. Тов. Киров становится дипломатом—полномочным представителем РСФСР в Азербайджане. Восстановив бакинские массы решимую задачу контрреволюционной мусаватской правительствы. Поднимались Грузия и Армения. Тифлисские меньшевики, армянские дашинаки, бакинские мусаватисты, продвигая и урландиями, хитро держались только за спинами английских солдат, оказывались малыми маркониатами, как только на них обрушилась воля революционного гнева. Не помог и прославившийся багдалинским походом английским иоаннинойм полком Джентервалль. Массы сбросили мостку контрреволюцию вместе с ее английскими покровителями. Азербайджан стал советским.

Теперь начинается борьба за советскую нефть, борьба за восстановление разоруженной войной, ограбленной английскими палачами Гурекской, черной, закономерно, стоим его умные вышки. Стране нужна нефть. Но для этого нужно, чтобы весь гигантский горизонт бакинского пролетариата был мобилизован на восстановление разоруженной нефтяной республике. Партия поучает эту работу товарищу Кирову. С 1923 г. он секретарь Центрального комитета коммунистической партии Азербайджана, вновь бакинского пролетариата борющейся за советскую нефть Советской страны.

И слова старшей истории насладятся взыгодным влечению революционного героизма. Десяти ты тысяч протариатов, еще недавно перемешив все тягости борьбы с контрреволюцией, бросаются в атаку на нефть. Можно было бы предостеречь от преторов, когда, ослещенные нутриномом, люди дни и ночи, не зная усталости, не знаа отпавки, смывавя слезы моголетной развухи, превращая Гурек в девятиый нефтеносный район, из месяца в месяц обобщая рекорды доменной, царской добычи. И если нефтероманность первой оставил позади столь колоссальный когало-толовой уровень, если нефтероманность первой выдала рекорды выработки в 2½ года свои пятилетние, ревуционная доля заслуг в этой победе принадлежит тов. Кирову. Это он сумел перестроить бакинский большевистский отряд, сделать его вавилонским похода на нефть, востановив вышки, победивших форм социалистического труда.

С 1926 г. Киров—секретарь Ленинградского комитета партии и северозаводского бюро ЦК. С 1928 г.—секретарь Ленинградского областного комитета партии. С этого времени он бесспорно руководит Ленинградскими организациями—одним из лучших большевистских организаций страны, одним из передовых протариатских отрядов Союза. Он пришел сюда в годы, когда значительная часть организации была ослещена долгой фракционной работой, которая становилась было зарывеномничеством и протрипоставляло себя Центральному комитету, когда, наконец, вместо сорвешной работы по развитию могущественной ленинской протариатской комитетчицы аналась фракционной болтовней и полемной риторикой против единства партии. На долю тов. Кирова снова вынала ответственной задачей—схлопотать, собрать, сплести и направить комитетчицу аналась фракционной и подпольных фракционеров, вернуть ленинградским большевикам заслуженное имя одного из лучших отрядов партии.

И всю эту гигантскую работу тов. Киров проводил. Сейчас Ленинградская организация как и раньше является опорой центральной линии Ленина и Сталина. За годы руководства тов. Кирова Ленинград урвога

свою промышленную продукцию и только за период с XVI до XVII съезда партии удвоил свою металлопромышленность—первую в Союзе. Десятки тысяч рабочих вошли в партию. Десятки миллионов рублей сэкономлены на рационализаторских мероприятиях, на создании мощных энергетических баз («Красный Октябрь», Саяры, Колдогово), диваловских Ленинград от присвоеного угла. Дружно в немногих словах рассказать о всем размахе хозяйственных мероприятий, руководить которыми пришлось тов. Кирову.

Черты руководства, свойственные тов. Кирову, делают его любимым вождем народа, т.е. партия горючает ему самые ответственные задания,—это черты, образцовые для большевика.

Тов. Киров прежде всего бескрайне предан партии, ее делу, ее единству: он не допускает никаких шатаний, расклевываний, оппортунизма.

— Я, грешный человек, думаю,—говорит он,—что если у нас, скажем, большой или маленький повод загрохотал на ту или другую ногу, то это менее опасно для партии, чем если загрохотал на ту или другую ногу какое-то звено рабочих.

И, следуя этому своему взгляду, он больше всего заботится о том, чтобы единство было не формальным, чтобы его организация была действительно всем и везде, в самом своем костюме. Известна его вымоленная фраза об оппортунистах, «присидевших в обозе» пятилетку,— фраза, сказанная на XVII съезде. Известно, как едно он говорил о тех, кто руководство понимал не как преданность линии партии, а как борьбу против этой линии.

Тов. Киров непоколебимо верит в рабочий класс нашей страны, он неразрывно связан с рабочими нашими, и он знает, как тесна связь между ними и партией.

Тов. Киров выкатил во все мелочи партийной и хозяйственной работы, он знает свою организацию, хорошо знает партию, комсомол, профсоюзы, знает все их сильные и слабые звенья, знает, на кого опираться; он умеет подтолкнуть именно там, где нужно, сказать именно то, что требуется для успеха работы, для мобилизации масс. Он пришел в ленинградскую организацию и как никто другой борется за ее славы имя, доброты им, вытравляет в себе дух старых традиций петербургского подполья.

Ленинград стал одним из величайших промышленных центров мира. Ленинград стал цветущим городом, который растет изо дня в день, украшается, обрывает мощными сельским хозяйством, становится одним из величайших портов мира. Ленинград не раз являлся застрельщиком передовой социалистической инициативы. Ленинградская организация—одна из лучших организаций партии Ленин—Сталина.

Эти успехи Ленинград добился под руководством тов. Кирова. Ему принадлежат прекрасные слова:

— Мы с вами вышли не ради какой-нибудь исторической игры, мы с вами много лет назад вышли с жалкой победой, или умереть!

В этих словах—дух тов. Кирова. Эти слова—лучший портрет большевика, у которого можно и нужно учиться.

Сергей Михалков

ПРОСТАЯ ПЕСНЯ

Сергия алыми бортами,
В туман поднимай кору,
Затертый седми полями,
Отважный «Челюскин» толку.

Над Арктикой стаям туманы,
Висела морозная мгла,
По слову правды команда
Спокойно на адыню шага.

И были палатки разбиты
У места извещанных мачт,
И ветер над лагерем Шмидта
Ударя в сигнальный кумач.

Кричала тогда непогода
Над шатком, дрейфующим льдом.
Была важней участник похода
Уверен в спасенье своем!

Судя собирая в дорогу,
Отдал о спасенье приказ,
Страна затвала тревогу
За самых отважных из нас.

За тех, чью высокую славу
Над миром в порге пронесли
Пальбу чудесного славы,
Герои советской амыли.

Б.р. Любевин

ПАРИЖ ВСТРЕЧАЕТ О. ШМИДТА

Нет, не то—
не слух о катастрофе,
Не буварный гуллый азарт—
Парижанам
заводилова кровь и—
Не допихших утренного кофе—
Давилку к вокзалу Сеп-Лазар.
Сколько лиц
и молодых и старых!
Сколько кевов, блуз и поджаков!
Шли встречать
потомки коммуваров
Двух героев—
двух большевиков.

И на точность выдерживая взглядам,
У платформ замалели кой,
Подошла, обстрелянный гвазми,
Встал и замер
потный декалов.
Утверждал
гула нарастание,
Кто-то поднял,
крепко сжав в руке,
Над толпою
как сигнал к восставию
Факелом нмавующий букет.
Уамбаленс,
всели

и кричала...
Гасло там
и всмхивало тут,
Загоняя в тулки молчанье,
Бомов: «А совете парту!»
Вышел Шмидт,
волнением атакован,
Он стоит,
сдерживая не в силах дрожь,
И совсем засмыла Ушакова
Разноцветный
лешестовый дождь;
Яркослатый,
голубой и амый...

Мир
дождей
Но, греми не видывал танки...
уже летят к вокзалу
С плащами Мадлен
трузовики,
Но—свистит дубинк полицейских,
Но—бульварник разбивают дая...
Крепче стой!
Мы все, товарищ, в репейс!
Пальбу хамется зема!
«Светит посылку»

С. М. КИРОВ В 1918 ГОДУ (Снимок Музея революции СССР)

Реввоенсовет XI арм и (слева на право): С. М. Киров—член Реввоенсовета, Ловандовский—командир, Мехонский—члн Реввоенсовета.

КАТАЛОГ

КОЧЕВОН

От Сочи до Сухума шоссе змеится вдоль берега...

Совсем обязательно проводить свой отпуск на одном месте, будь это дом отдыха, дача или родное село.

Курортная обочина принуждает ехать в санитарной гонимой болыши, и волы-неволей извешен едет в Илелзововод, а рематик в Магесту. Но для каждого здорового человека, который за время отпуска хочет не только сбросить накопившиеся за зиму усталость, но и набраться новых впечатлений и знаний, один из лучших видов отдыха — это отдых кочевой: путешествие по тайге, экскурсия к мавзолеям Днепрова, поездка в советские сады, чтобы увидеть, как по любви превращают географическую советскую землю историей переделывает природу, как социализм переделывает природу.

Игителю севера и центра страны больше всего тынет к себе юг. Еще бы: после ленинградских

туманов увидеть хрустальный воздух Черноморья или штабы мандаринов на базаре Батума, подставить спину под зной крымского солнца и после знойного похода разгулять по родному городу. И, перелетавшая маршрутный самолетный ОПТЗ, читатель уже в шуршащих страницах дочет услышать плеск черноморских волн, от забульбораев, от извешен, и он спрашивает, кто ему предвещает ОПТЗ. А это союз лососевиков и добровольных спонтанцев ующает весь мезолюзит не только солнцем и воздухом с волной, но и более прозрачными котлетами и койкой на базе общества.

Для москвича юг начинается с Киева. Из этого города-ветерана, ныне столицы Украинской республики, отдав концы на зимней пристани, можно по Днепру доплыть до тех порогов, где встает великий украинский буйный река — Днепровская гит розаэлектростанция. Ниспор днепровских вод вращает турбины, а каждая турбина — это мощность всей Волховской станции. Но Днепр — это отголоски в сторону, а восточный юг для туриста — это Крым и Кавказ.

Уже проехав Донбасс, турист забывает сбегать за традиционным князьком и ветераном вилит у огня, выжидая заглядывающиеся мечтами заросли кипарисов и баньянов. Однако природа его обескураживает. За облаком бежит сухая, бурая степь, уныло подиравшая бесконечный горизонт. Но, наконец, он слышит плеск и видит приближающуюся полосу воды. Ура, это море, лазурь черноморских волн, дельфины и фрегаты! Однако что же это такое? Море, впающую подступившее к рекам, отнюдь не благухает, напротив, оно пахнет как сточные баюто, как камыстыл пруд. Но старые посетители Крыма развешают, что это всего лишь Сиваш — ворота Крыма. Неутраченный запах производят молороски и отчасти солонча промисель. Но поезд быстро пробегает волной коридор — и влетает в белом зорлотном наряде издевает Симферополь.

Симферополь, Баччисарай, Ялта, Алушка — турист замечает, он уже назву переделывает исторические страницы юга и, хотя не расплачивает еще чехолы с московской накладной, но уже варманна набиты персидскими и в руке турки неизвестного назначения палочка-рогулька «Помни Крым». Отсюда, из Симферополя, столиц Крымской республики, 15 лет назад начался триумфальный бег к морю врангельских балд, выхитры бодуновцами. На площадях города стоят памятные освобождения Крыма. Туристу надо зайти в музей «Гаврилы». Здесь,

рядом с древним шпиритролом давно измерших скворца и полочков, он увидит пейзажи Крыма как-то Айвазовского, Репина и Левитана.

В стороне от столиц процветающего советского Крыма лежит другая — историческая — столица, центр ханского Крыма — Баччисарай. От ханов остались и дворцы с восточными садами и бесконечные фонтаны, распадающиеся по всему городу. Среди них знаменитый «Фонтан слез», о котором писал в своем «Баччисарайском фонтане» Пушкин. Бывшая ханская столица, как говорят художники, — город с самой красивой в Европе крышей. Мастера японские, писавшие свои эскизы в этом городе, утверждали, что неба твоей голубизны, как в Баччисарай, им не приходило видеть нигде.

На северном берегу Крыма, у порога лучшей бухты Черного моря, лежит Севастополь. Среди старинных крымских городов он числится южнее, ибо Севастополью только 300 лет. Этот город 70 лет назад выдержал ошеломительную осаду европейских армий союзников, осаду, описанную молодым Львом Гиткаловым Толстым. В этой морской бухте в дни первой революции судя парского флота подняли красные знамена и начали восстание, закончившееся гибелью «Новиков» и жизнью лейтенанта Шмидта. По бухтам Севастополя в вечерние часы беллет формен черноморских крейсероводов. Союзил Севастополь — последний город Инкерман, Балаклава, центр рыбаков, и древняя византийская колония Херсон.

Пять часов пароходного путешествия, и турист выходит на пристань Ялты, курортного сердца Крыма. Город размещается на амфитеатре, и отсюда открывается вид на широкий залив между мысами Ай-Тодор и Отытским. Двадцать самостроев и десятков домов отдыха и здравниц размещались в зеленых садах полуостровного курорта Крыма. Среди других музеев турист обычно не пропустит домика, где жил и работал Антон Павлович Чехов, где обсуждался в спорах первые работы Художественного театра и куда частенько заглядывал молодой Максим Горький. В шести километрах от Ялты раскинулся знаменитый Никитский ботанический сад, где можно видеть в натуре ту флору юга, которую мы видели преимущественно в учебниках географии. Любителям дальних прогулок в Крыму идет горный пасть Яйла, где среди альпийских лугов бродят табуны са стадами овец, охраняемые свирепыми овчарками.

С жарной береговой полосой турист попадает в предгорья юга: он идет, выходя горноветра, в предней залюк горных трав, над ним, раскинувшись, парят орлы, и нередко, поднимаясь в гору, группа экскурсантов входит в облако, загораживающее им дорогу. Восьмая туристическая маршрутная группа впервые пересекает Крымский полуостров: захватывает и Гурауф, где два Пушкины, и город виноградарей и рыбаков — Судак, и столицу пансионатов и протозв — Коттедж.

Конечно, это не весь Крым, это только «конспект» ближнего юга, к которому устремляются потоки туристов. И самые яркие югополюжники, не возразивающие Крыму, все же предпочитают познакомиться по Кавказу, где выйдя одна из шести маршрутов ОПТЗ, они могут побывать в советской Африке и познакомиться в советских же Альпах.

Черноморское побережье и классические маршруты туриста — Восточная Сухая и Боснийско-Туринская дороги — это районы, где уживаются с мирным соседстве горные источники с вечными льдами, павлами с ледяными глетчерами. Большинство маршрутов, нависая в горах, кончается отдаленным туриста на берегу моря.

По Восточному маршруту, начав путь с центра Карачая — города Микоян-Шахара, через горный курорт Тебурду и снега Каукаского пере-

„Кавказская Ривьера“ в Сочи расположена на самом берегу Черного моря.

вала путешественник спускается в долину, соединяющую Сузук, Микою-Шахар — южной горой, первой горой в Керачи. Восточнее Тибора (она лежит на высоте 1300 метров над уровнем моря) — первоначальная горнолазательная станция, благодаря разреженному горному воздуху высшейшей категории умножающей тоннами дубами. По густым хвойным лесам, тесно обступившим Геберду, можно добраться до первых ледников у вершин Хатинара и в горах Балухаси в Мурадлинских оврагах. До Сузукуну является пологим, мшистым склором Каутор, по течению воды которого плывут альпийские тучколонии до ледников.

Здесь, за перевала, взрывает гравия, разделяющая светлогорье горного Керачи и маджаринские рощи Аджакан. Чрезвычайно света дной водоем падает над путь, на котором ступень за ступенью разворачивается флора Кавказа — от альпийских горных и сел до табачных и виноградных плантаций.

Столица Аджакан — Сузук, город солнца. Оно выходит здесь на работу 217 дней в году, и междуформидные переобитие континентс закреплен за Сузукуну славу лучшего места для слабобудных. В стенах этого города турист может проследить за восстановлением истории от затерянных в древности колоний греков и римлян до средневековых хозеев Сузукуну — геузацев и турок. Вель 500 лет назад этот город был центральным рынком области, а сейчас не исчезающей в капиталистическом море торговой отсталости — торговля невольниками. В тысячекратных стенах крепости видны эти заросли столетий, которая рощами с азиатскими местами чернеют серные выветры, в которых римские патриции грали свои подлуги и хирягты 2000 лет назад. А рядом с веновой старинной поднимается молодая советская Аджакан с ее замечательным дитроусом и другим растением — асустом. Около Сузукуну находится уголок живой Африки — обильный пинтоник, в котором не только живут, но и размножаются гаммажиры, макаки и другие переселенцы из Африки.

Важнейшим поперечником Кавказа является популярный маршрут, ведущие из Налачика или Кисловодска к высочайшей точке хребта — Эльбурсу. Сам Налачик — превосходный горнолесной курорт, дитроус зародился наповальной высоте у Кабардино-Балкарии. Здесь турист увидит образцы древнего соавительства народов, некогда бывших завореными врагами, а теперь на месте азиатских людей строятся прекрасные аэропорты.

Эльбурс и подступившие к нему замечательные маршруты аутентичности, алмазника, самого сложного и захватывающего вида туризма. Направляясь к Эльбурсу, турист сменяет трюсы на шерстяные белье и образует тысячекратно горные богины, подогнанные громаднейшими, чтобы не провалиться на алмазных фирменных полях. Подъем на вершину Эльбурса, впервые совершений 70 лет назад, требует огромной выносливости и высочайшей тренировки.

Через перевала, Донгуз-Орду ведет другой горнолесной маршрут, трюсы которой — в долине Баязити и Сангити, заканчивая свой 25-дневный переход в Батуме. Из балкарского селения Тегенски, проявляющийся в горных скалах на высоте двух километров, турист выходит на маршрут Эльбурса (3200 метров) и после ночлега в горной хижине ОПТЗ через балкарские селения движется к реке Донгуз-Орду. По крутой тропе, мшуча пестрые скалы (высокие), идет турист к Донгуз-Ордускому малакчу. По снежной тропе, переходя вброд горные ручьи, дается трюсы. Шерстяные пальто сменяются снежными мостами, написанными на ущельях. Перевал — высокая точка этого маршрута (3200 метров). В долине, вдалеке перед туристом возвышается бакинский санское селения Гавриани — отсюда началась волея Сангити. Мировая древний Кутас и крупнейший гидроэлектростанция, турист спускается к морю в Батуме.

Батум — крайняя точка черноморского побережья, южная колыбель советских субтропиков, замкающая цепь из Туапсе, Сочи, Гягр, Поти. От Туапсе до Батума тянется советские субтропик, дла поляса побережья, к которой алмаз легендарные артефакты в поисках малакчу. По течению Колхиды, в которой река, стекающая бурными потоками с гор, захватывает в высокие берега, и земля здесь идет ниже чем вода. Район, Клобар и другие реки неслись вальными и заболоченными Колхидой, и сейчас здесь идет грандиозная переколка природы: осушение Колхидской низменности, превращение маджаринских болот в тропический лес Советского союза. Аджакан вброд — это маджаринские тиски лес — при царском правительстве была алмаз права на землю и собственного имени. Во всей официальной прессе и документах аджакан имелись, а именно высказывали. Теперь эти трудолобные коренные жители шеберы на новый алад переделывают акваториальную волюсу СССР, плодородную и богатую жизнью.

Здесь растет удивительная от трюсического периода кавказская пальма — кокосовая пальма. Теперь эти трудолобные коренные жители шеберы на новый алад переделывают акваториальную волюсу СССР, плодородную и богатую жизнью.

В стоимость входят помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входит помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

и поднимаются переделами из Америки и Африки, растущие и фрукты. По линия субтропиков идет особый автомобильный маршрут от Сочи до Гягр и Сузук.

Сочи, крупнейший курорт, в 12 километрах от которого лежит Магаста, сериный курорт — место лечения тысяч ревматиков. У подножья гор, закрывающих город от ветров, раскинулись Гягр, любимый курорт Абхазии, славящийся богатые субтропическими парками с пальмовыми и баньянами. Здесь, с вершин гор Арабии, в осенние ясные дни видны далекие турецкие азиатские и транскавказские берега. И сама столица Аджарии Батум — город контрастов, где вечно зеленые берега и алмазы упираются со снежными высотами, окружающими город. В Батуме — лучшая посылка Севастополю бухта Черноморья, в которой стоит океанские пароходы и гиганты — нефтяные танкеры. Здесь же раскинулись богатейший сад с отдалами, представляющими все страны мира. На «мексиканские» бумажки растут пальмы и экзоты, в «японском садике» можно видеть пробуюю ель и фиалковые деревья, а также и масличное дерево, из которого выжат млодо.

Гималаи и Цейлон, Австралия и Индия высланы на этот морской остров растений своих представителей.

Старейшая трасса Кавказа — Военно-Грузинский склор — по этому маршруту турист от Орджоникидзе (Владикавказ) через горы может добраться до Батума. Военно-Грузинская дорога тянется на 209 километров и она была догиде годы теми воротами, через которые шли из Северного Кавказа караваны в Закавказье. Дарьдальское ущелье мимо реки Терек приводит на этом маршруте к грузинскому селению Казиби, окруженному ледниками, минеральными источниками и под маяком, на которых начинающие администры изучают азы скальной техники. Маршрут про-

ходит через столицу Закавказья и Грузию — живописный Тифлис. Отсюда по аэлектрифицированному Сухуму путешественник опять спускается к Батуму, в котором мы уже побывали.

Батумом заканчивается колесня маршрута ОПТЗ, и отсюда, после шоволадной колесни, отпускины пороворачиваются крутом, вырывается домой. Семфатор отходит, проводник, пакеты, таскает трофак и белье, аэтра надо открутить закрученную без хозиния спяночку и маркировать на работу.

В стоимость входят помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входит помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входит помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входит помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входит помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входит помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

По снежной тропе, переходя вброд горные ручьи, двигаются туристы.

ЮЖНЫЕ МАРШРУТЫ ОПТЗ — КРЫМ И КАВКАЗ

КРЫМСКИЕ СКВОЗНОЕ.
Грозный — Усть-Гулоп — Белая — Белая.
Длительность 12—18 дней. Отправ. с июня по 1 окт.
Авто 30 км, пешком 115 км.
РАЙОНАЛЬНЫЕ МАРИШРУТЫ ИТНТИКНИ
(НАЛЬЧИК И ЭЛЬБРУС)
Патвар — Ордуз — Гягр — Батум.
Длительность 25—27 дней. Отправ. с июня по 1 окт.
Авто 156 км, пешиней 66 км, пешком 207 км, по-
ловоды 221 км.

ВОЕННО-ОДЕСКИИ ПЕНЕХОДНИК.
Алар — Милур — Вурюп — Ией — Зарым — Мамонский передел — Ша — Июви — Цигоп — Шугурин.
Зветавно — Батум.
Длительность 22 дня. Отправ. с 20 июня по 15 окт.
Отеомость 275 руб.
Авто 30 км, пешиней 107 км, пешком 223 км.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКИ АВТОМОБИЛЬНИ.
Орджоникидзе — Кахети — Пасарат — Тифлис — Батум.
Длительность 14 дней. Отправ. с 15 июля по 15 окт.
Отеомость 200 руб.
Авто 208 км, пешком 345 км.
ЧЕРНОМОРСКИ АВТОМОБИЛЬНИ.
Сочи — Гягр — Сузук.
Длительность 10 дней. Отправ. с 15 апреля по 1 окт.
Отеомость 150 руб.
Авто 190 км.

В стоимость входят помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входят помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входят помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

В стоимость входят помещенные (кровасть с трофком и подшюкой), питание, внегитрирированные переделы и культурное обслуживание.

мощный, перерастающий в элос чревоугодия, — протодьявол Репина.

Великий монах из «Счастия в Митридах», мурзьяне, пышно закусывающему «Христово ходо»! Перва вывалил бурю в реакционной критике:

«...Странно за искусство, когда нравственная тина и подлоги буржуазной жизни во всей их отвратительности делаются поводом похваления художников» (Минский).

«...Неудно не показать, что време чужденцев тратится на такую пошлость» (проф. Рамазанов).

И снова Минский: «Кто решится продать или подарить такую картину в буржуазной семье?» Несмотря на заблаговременную формулировку — это серьезный вопрос. Как жить художнику в полуфеодалной, полкапиталистической стране, если он не найдет покупателя и покупателя? Ведь картина молодого: студенты и курьезисты — народ бедняцкий.

Но покупатель нашлся: потребителем продукции художников-бунтарей явился купец Третьяков.

Характерна эта фигура в русской подделке, этот серьезный длиннобородый человек, закованный без прилагательных в мастерские художников и похотищья перебарывающий вены. Он разгадал, как надо и как правильно, давал повоюющую цену, иногда нахваливал и похвалял.

Так создавался галерея Третьякова; подаренная им в 1870 г. Москве, Третьяковская галерея — собрание лучших произведений русских художников XIX столетия.

Купец Третьяков похвалял «Купеческие поминки» и «Привод звериной в купеческой доме», где так бесстыдно изображали туши и теляние сапожки.

Примечательны хозяин и тонкий ценитель искусства, Третьяков был предостерегаем, и худшим, и выдвиг буржуазии, буржуазии не в власти, а потому антибуржуазной, готовой посягаться и над нравственностью и над купеческим «стемным прошлым».

Красков в ранней молодости работал ретушером у фотографа. Пейзажист Васильев служил поставщиком. Молодые художники были бедняками, разночливцами. Но победа их революционного, радикального искусства объективно была победой искусства русской буржуазии.

В 1868 г. место расквандился «Артсан» звание «Московское общество передвижных выставок». «Передвижки» путешествовала по России. Искусство пыталось демократизироваться. Но оно соборный вид «возвращения» народа.

«Передвижные выставки» дали название тенинскому. Молодых художников стали называть передвижниками.

Передвижники 60-х, 70-х годов — идущие на тустандарт. В своих картинах они опровергают идею, т. е. разрешают социально-политический или психологический вопрос, пользуются материалом, взят с натур: природой и бытом.

Рассмотрите внимательно любую картину 60-х годов, хотя бы «Выход из церкви» Морозова. Каждый предмет, каждая деталь этой картины окрашены своим, независимым от других цветом.

Картина вестра. У нас нет общего тона, общего колорита. Каждый предмет отграничен от целого. Любое яблоко с приважа можно снять, отделить. Картина как бы распадается на части.

Этот тенинский процесс обусловлен материальным «передвижником». Они механически материализуют мир для них — собирая отдельные, органически не связанные предметы и явления. Их неважно идеалистично.

Остода некоторая поверхность, остро ощущая противоречия окружающего, раннее передвижники не умеют их обобщить, выявить и под-

черкнуть их обобщительное значение. Семейный расклад! Максимова — да не легкая шаровая картина. Мы видим крестьян, дельцов какой-то домашней скарб. Между тем здесь затронут серьезный вопрос о неуловимой общности крестьянства. Художник рабски следи «внутрь», не сумев показать глубины изображаемого.

Нужнее углубить и обобщить — органический порок натуралистов, полчищностих предмету изображений.

Вроде было суровое. На «первичных» картинах читались вслух научные статьи. Легкие расквандили считались пресудистыми.

С легкой руки критика Ишарева, «равнодушного, лозово, упрямца, слепидику искусства. Превыше всего стодал логика: эмоциональное воздействие исключалось, его причисляли к стихиям. Тенинскую же в тедовало превратить как фронтальность. Известно, что индустриальные предприятия непроизводно оладели. Говоря нашим языком, это был перегиб.

В живописи «передвижников» этот перегиб сказывался в тусклой суровости красок и болесной божности эффектов.

У Перова есть раскванд и картина, построенные на одном материале.

В раскванд: «Это была труп молодой испуганной женщины. Я взглянул на нее и чуть не аскрикнул: «Да это Фанни!» И действительно, это была она, со своими теньморскими волосами».

На картине «Утопленница» — труп молодой женщины.

Но красные волос нет.

Эта деталь появлялась художнику слышимом «сборке».

Другие недостатки «перегиб» сказывались ложно в творчестве Ярошенко, Богоданова-Бельского и многих других. Их интереснее по теме картины испорчен сонатамих пренебрежением к телянке.

И. РЕПИН (1844-1930). Не ждали.

И все же художник Александр Бенуа, идеологически чуждый, даже враждебный «передвижникам», восклицал:

«Когда, бывало, осмотрев являю и незалеую академическую выставку, мы затем отрывались к передвижникам, нас всякий раз охватывало удивительно отравное чувство. Кажется, что мы на сырковой тухлой какарии выпили прямо за город, в деревню, на свежий воздух, в народ».

В 70-х годах революционная волна свадает. Усваиваются привлекательные переписки. В соответствии с этим моментом тенька некоторых передвижников. Показательна эволюция Перова: от «Христово ходо» он переходит к «Тройке» и «Похороним крестьянина», внем не агитационным, но все же социально насыщенным. Постепенно социальная нота в его творчестве становится гуще, полнокон совсем замирает. «Руболов» и «Охотники на привалах» — это уже мирские, вполне «приятные» жанровые картины.

Для реакционных восмидесятых годов символический успех Владимира Маковского. Его картина, порой сентиментальнее, чаще забавные и незаметно пошлые, — образчик «вплотности», сущности неважачности большого, серьезного теньки.

Маковский — любимец общества.

И в фонде его числительных, самодовольных картинко несомненной ценности приобретают известную популярность «Самочинный» Ярошенко и угловато-черные работы Касткина.

В картинах Савидорова и Касткина впервые на

И. ГРАМСКИЙ (1837-1897). Портрет неизвестной.

полотнах появляется русский рабочий. «Ремонтные работы на железной дороге» Савидорова — натуралистически точное воспроизведение видения. С черного фона мастытских «Гусаклов» укороче смотрит человеческая глава. Задние картины такого рода вырвала писатель В. Гаршин словами своего Рубина: «Я вызываю тебя, чтобы ты уложил свои ноги эту чистую, приглядную, неважную толпу».

В 80-х годах кое-что из художников начинают понимать, что не только академиям дунат живопись творчество. Вряд художника — сныть, разовуляющий и творчеством поучать — буржуа.

Может быть, глубже все почувствовал тяжелую роль насмешка глава течения Крамской. Любимая картина Крамского осталась незаконченной. Он не мог ее закончить, так как писал портреты, но его словами «члода неконстас». У Крамского не хватало мужества во имя искусства подвергать своему селю ашеишим.

Картина Крамского «Христос в пустыне» интересна тем, что Христос в ней — меньше всего бог. Для материалиста Крамского Христос — символ человека, задумывающего, какой путь ему избрать: вечный и безопасный или «стырннннн», «привалый». Постановка вопроса и самый вопрос характерны для возмущающейся интеллигенции того времени. Христос Крамского — интеллигент XIX века. Еще дальше зашел Ег, использовавший для своего Христа портрет Третьяка.

Крамской писало портретные теми ему нужды. Его портреты — психологические очерки. Лучшие из них: молодой, еще непрославивший Гостый и «Портрет неизвестной», вернее — княгини Юрьевской, женой Александров. И с ее княгиней лицом, одутым пушком на щеках и влажной глазу.

Крамской бастиде владеет кистью. Идеолог передвижников, он забавлял крайности теньки. Обурган французам за проданность и легкомислие, он признается: «лю у них есть нечто такое, что нам надо, что-то на ус, — это ароматие, несоразмерное, зато в высшей степени, но это слово неуловимая подвижность натур. Которые нет, света и тени не замечают, а есть что-то аскающее и тельное как музыка».

О пейзаже «передвижников» складует поговорить обо. Старые пейзажисты приваляли пейзажи, многообразие природы Италии. «Передвижники» первыми обратили внимание на скромный русский пейзаж.

Шиншина Крамской называет «верстовым столбом русского пейзажа, признавая, однако, что у него нет «перва». Значительнее лесные пейзажи теньки, правдивые, но бесконечно сумы.

Клодт Саркисов и много обобщив, но рано умерший Васильев внесли в пейзаж, то, чего не доставало Шиншину: толоту, эмоциональную окраску. Печать индивидуальности художника.

К проблеме освещенности впервые подошел Кунин. Его «Березовая роща» — попытка разрешить проблему «plain ай», т. е. слоганного света, скраски предметов на чистом воздухе.

Сочетание пятна Куниндич тенькам и непонимание. Воздух у него не адронит, не ширится как на полотнах французам, как поладие у Репина.

Идейный натурализм выявлял себя. Шиншина утрачивала свою ясность, опоясывая в картинах Маковского, частью теряла художественную ценность, подменяя живопись голый публицистичность.

Расцветавшей буржуазии нужно было иное искусство, полнокоронное, мощное.

Первое искусство появилось. Нужен был художник, в слоганом, радостном таланте которого соединились бы расквандившие «что» и «как».

И такой художник нашлся.

За несколько дней до «бунта тринадцатого» утром теньки здания Академии ночью бродила прехвавшаяся на Чугуева Илья Репин.

Репин впервые увидела краски у двоюродного брата Провына. На глазах потрясенного Илюши Провына расквандил рисунок арбуза. Алая сонная

В. СУРИНОВ (1846-1916). Утро стрелачьей казны.

„КУЛЬТУРА И ВИЛКА“

Фельетон С. Диковского „Культура и вилка“ („Смена“ № 4) вызвал оживленные отклики наших читателей. Часть этих откликов мы печатаем сегодня.

Большинство товарищей считает своевременным и правильным выступление „Смены“ о вежливости. Там, товарищ Грудин из Киева пишет:

„Овладевая общей культурой, молодежь обязана овладеть и ее составной органической частью — вежливостью. Хамство ничего общего с пролетарским стилем не имеет.“

Большинство товарищей безоговорочно высказываются за борьбу против некультурности, даже в самых мелких ее проявлениях. Но имеется и другая категория корреспондентов. Эти товарищи мыслят только в мировых масштабах. Всегда за автором фельетона они пытаются провозгласить вежливому отношению к женщине и умерью есть не по-звериному кардинальные вопросы классовой борьбы. Эти товарищи не понимают, что из мелочи создается большое дело и что эти самые мелочи, от которых они отмахиваются, должны помочь бойцу стать культурным.

ВЕЖЛИВОСТЬ — ОРГАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о вежливости поднял С. Диковским вполне своевременно.

Наша молодежь успешно овладевает культурой своего производства, но часто некультурна и в труде и в быту.

В том же номере „Смены“, в котором напечатан фельетон С. Диковского, помещена статья о культурном уровне рабочей молодежи. Из статьи, согласно статистике, ясно видно, как высоко поднялся культурный уровень рабочей молодежи.

Но плохо то, что пренебрежительное отношение к вежливости как к «буржуазному предрассудку» среди комсомольцев еще велико. Если нечистоплотность, неряшливость, возмозные когда-то чуть ли не в доместы члосомольца, отшли сейчас в область преданий, то к вежливости как-то ироническое, даже пресудительное отношение.

Попробуйте поднять уронившую товарищей вещь, и вы услышите вместо благодарности ироническое: „Ах, как вы любите-е-е-е!“

Такие слова, как «завида», также весьма популярны среди молодежи.

Борьба за чистоту нашего языка, мы должны научиться есть не по-звериному, не лизать пальцами в общую солонку в заливочной столовой, чихать в платок, а не на собеседника, при входе в трамвай пропускать вперед женщину с ребенком и т. д. и т. п.

„От того, что утешься сытветьно, революция не пострадает“.

Успешно овладевая общей культурой, молодежь обязана овладеть и ее составной, органической частью — вежливостью. Хамство ничего общего с пролетарским стилем не имеет.

Георгий Грудин
Монтер Киевской гор. телефонной станции

ПОД ЛИЧИНОЙ ВНЕШНЕГО ЛЮДИ

Внешний лоск молодого парня или девушки зачастую скрывает внутреннюю некультурность. Часто такие примеры можно встретить в студенческой среде. Вот характерный пример напускной вежливости, который мне пришлось наблюдать в палатки на Мясницкой улице.

Примечню одетый молодой человек вежливо сказал женщине, отпускаящей морс:

— Я очень прошу вас вымыть лучше стакан.

— Извинюсь, — ответила женщина, — но если я каждому буду хорошо мыть стакан, то образуется большая очередь.

Обиженный молодой человек с высокой милой улыбкой поставил морсу, а остаток с пренебрежением выплеснул восторну, случайно обидя белую брюки проходившему гражданину в шпале.

— Накал, — тубо вскричал тот.

— Простите, — ответила молодой человек, — но позволяете вам сказать, что от того же слышу.

Это был студент Ш.

Примеров напускной вежливости можно встретить очень много. Вас, например, могут вежливо спросить:

— Скажите, пожалуйста, вы где сподите?

И когда вы ответите там-то и там-то, вы сразу отмокнути восторну и еще обзовут неслезой.

В столовой также можно обнаружить любознательные сцены вежливости. Официантка, улыбаясь, приносит вам обед. И тут же опускает в суп пальцы.

П. Герцен
Москва, Алексеевский студгород

О ВЕЖЛИВОСТИ И КУЛЬТУРНОЙ ЧЕСТНОСТИ

Разрешите, тов. Диковский, процитировать то, что вы отговариваете.

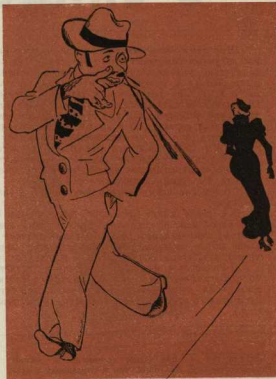
„Мы гурьки в трамваях, фамильярны в общелитии, неволя в столовой и театре; мы чувствуем облагчение, когда разрешается сидеть в помещении, не снимая шубы и шапки; мы не умеем еще извиняться, забываем галстук и т. д.“

И так же понятие о культуре им, тов. Диковский, связательно свел к некультурному держанию вилики.

Товарищ Диковский показал урода культурам в сером галстике, отнесшего девушку в грязь.

Действительно, дело не в янине. Но зачем тогда нечеловеческий притес показал своей прелесть? Покажите работу у станка. Чистый станок — при-

Рис. В. КОНОВАЛОВА

...Зато в шпале и при галстике!

явля культурной работы. В преддуманном номере „Смены“ (№ 3) в очерке Евг. Кривога „Чудо на миссокомбинате“ тоже поставлен вопрос о культуре. Читая этот очерк возмозное приятно.

Пожалуйста, у человека в инструментальном янине, просидите, ашпили ал молодой человек трамвайный билет (до ипаминация кондуктора), не выдвигает ли он из технических учебников страничку, но падает ли на пол. Это, товарищи, александрийские приманки культуры.

Со мной случился «эпизод». Независо мы проработывали доклад товарища Сталина на XVII партсезде (во времена судочке). Я сидел у самой старты и курю. Возле меня сидела тов. Ш., дам шпале на нее. Когда я замечта, что скоро «авторитет» товарища, я извинилась и отвернулась. Выкурю, потушу окурок и бросаю на пол.

— Как вам не стыдно! — сказала тов. Ш. — Пол такой чистенький, а вы окурок бросаете! Кроме того вы извинились и слези ко мне слезной. А я думаю, что вы культурный человек.

Попробуйте поспорить, тов. Диковский!

Х. Г. Майис.

О СИНКОПЕ И ФОКСТРОТЕ

«Проблема легкой танцевальной музыки никогда не являлась для нас вопросом самодовольного злочиения. Она была (и остается сейчас) полностью подчиненной общей задаче организации культурного отдыха. Все виды развлечений и все виды искусства могут найти свое место в системе разумного, культурного отдыха, если только в них нет элементов разложения, утилитарной и физической уродливости, безразличной чувственности или тугой, бессмысленной траты сил.

Пенатам интересна и во многом правильная статья тов. Блома, мы считаем, что он обоснованно предлагает монополию западного танца. Мы допускаем, что тов. Блом сознательно ступил краской на зыбкое основание, утилитарной и физической уродливости, безразличной чувственности или тугой, бессмысленной траты сил.

Пенатам интересна и во многом правильная статья тов. Блома, мы считаем, что он обоснованно предлагает монополию западного танца. Мы допускаем, что тов. Блом сознательно ступил краской на зыбкое основание, утилитарной и физической уродливости, безразличной чувственности или тугой, бессмысленной траты сил.

Следующие четыре положения являются, по нашему мнению, бесспорными:

1) «Легкий жанр» (фокстрот, танго, румба, бостон, чимми и т. д.) ни в какой мере не исключает классического танца, в частности вальса. Поэтому неправильным было бы как отрицание фокстрота, так и отрицание вальса, являющегося, кстати сказать, более высокой формой ритмической пластики, воспитывающей в человеке культуру движения.

2) Разумеется, фокстрот как жанр не является предельно музыкально-хореографической культуры. Наряду со многими достоинствами (живость, темп, доступность) он в большинстве случаев имеет много отрицательных качеств (безмятежность, пластическая ограниченность и т. д.).

Нигде так не развивались возможности самой безотчетливости болтовни, как в суждениях о музыке. Это и понятно: с одной стороны, область музыки является идеальным тематом, в которой приходится оперировать не какими-нибудь объективными объектами, а субъективными впечатлениями и стоишь не субъективных примеров, а с другой — вместо подлинного марксизма мы имеем в данном музыковедении либо упрощенное приспособление либо ультраидеологическую плагиацию.

Лист озвучивает свою фортепианную пьесу «Благодарю огню». Но кто будет опираться во право, слушая ее, представлять себе (если уж так обязательно воспринимать при этом зрительного образа), например, веселый ручеек? Бетховен, закончив первую часть своей 5-й симфонии, объявил: «Так судьба стучит в дверь». А по-моему — это футбольный слонья голую, вытиски обгоняя друг друга и подставляя друг другу «ножки», бегут за мячом, и попробуй доловать, что это не так!

В эпоху РАПМовской «музыкальной диктатуры» и нас получила права гражданства в печати термин «синкопическая музыка».

Начать с того, что зыбкой такой «синкопической музыки» никогда не существовало и не существует в термине этот просто музыкально неграмотен.

«Синкопа» есть определенная ритмическая фигура (ударение на слабой части такта), которую композитор использует исключительно в

формальных целях, чтобы заострить ритмический момент. Она полна на ту «перобычку» ритма, которая чувствуется и безгом чтении на стыке, например, двух таких стихов:

«Мчатся тучи, вьются тучи;
«Мой дядя самых честных правил...»

После тучи мы ждали бы иной д.я., но смысл подкашивает мой д.я.. Это тоже есть прелюбовитая «синкопа». Понятия, связанная смысловыми обозначением слов и обязательными ударениями, анимета этого метода усиления выразительности, а музыке ничто не мешает вести мелодию, акцентуруя ее где угодно. И возможно так: акцентуация «отбывает» ритм, как раздается, на «слабых» частях такта, а получающая в нем мал над ним мелодия акцентурует на «слабых» частях — вот ослабленный ритм и есть «синкопированный» ритм.

Как чисто формальный момент синкопированные ритмы могут применяться в любом музыкальном жанре, и, можно сказать, нет композитора, который не использовал бы в своем творчестве эту самую синкопу.

Как это ни неожиданно, но влечение к этой ритмической изоляции наблюдается в некоторых первобытных музыкальных культурах: в Средней Азии, у народов Африки и Америки. Но сказать, что этот музыкальный фольклор есть «синкопическая музыка», — значит сказать чепуху, потому что формально «чувств» той или другой музыки составляет гамма, лежащая в ее основе.

Нигритские оркестры, играющие в америка-

нских ресторанах, приехали в клубный ансамбль джаз легкого музыкального жанра своего «синкопическим узором». Буржуа ухватился за это как за острый, приятный «примитив»: бьются так моменты, когда господ тишет на наступу? Присмотревшись к нигритским танцам, презрительные буржуа назвали тем элемент «своевместности», «непосредственности», «знаменитой» чувственности и доброслыли на это как на «капусту».

Тогда возник фокстрот, легкой, собственно, и разумеется под этим млеучетым термином «синкопическая музыка».

Происхождение его, как знает читатель, вовсе не такое «неблагоприятное». В буржуазный период фокстрот вошла из зародного искусства на правах «капусты».

А между тем РАПМовская «сторона» гласила: «Фокстрот пришел из буржуазного улодочного кабака, он оравляет американизацию, синокопическую имитирующей ритм пологого акта.» Это упрощенчество развилось в статьи, в выступлениях, в директивах, поскольку, увы, музыка — дело темное!

Кстати, у наших беспощадных фокстротоненавистников была весьма колоритная соизвоения на рождение этого разлагающего и «отваждающего» от социалистического строительства танца: недово имевшейся у нас блестящей книги Элена (Гольно чьера) мы узнаем, что против фокстрота энергичнейшим образом восставала американская полиция. Интересно, что и фашисты в Германии начали свою «культурную» работу с запрещения фокстрота.

РАПМосская танцевальная волна была бы прямо сценическими моментами. Остановился лишь на одном из них.

Вальс считается у нас всегда вполне приемлемым, чуть ли не «современным» танцем. Это, видите ли, от того, что он благородного народного происхождения, а в буржуазных салонах и кабаках был освоен в начале XIX в., когда после Великой французской революции буржуазия была еще «искосячим классом», и стало бить, впаде «задровый». Конечно, все это сущий впадо.

Салонный вальс — возник и получил свою форму в реакционнойшей, фреодальнейшей, контрреволюционной Вене, ставшей со времени Венского конгресса «европейским жидларом» — настраже против всяких «французских революций», да ретивидно, где только можно, старого порядка... Это была меттерническая Вена, бросившаяся топать в искусство свои издавне тревоги и умешван не только отплатить итрауосенным вальсом, но и осивить музку... Бетховена.

Этo ни в какой мере не значит, что музика Бетховена «реакционна». Это значит только, что теоретизирование в области идеологических настроок куда более сложное, чем это представлял себе ДАИМ, и что общие места и схемы ничего не объясняют и никуда не годятся.

С «идеологичностью» вальса недоразумений вообщем не обещается. Эротизму, чувственности фокстрота, например, противопоставляется «приличность» и целомудренность вальса. Ну, это тоже — как сказать!

Пригладелись мы к вальсу, пригнулись его овередно сексуальной эффект — и все. А между тем, по чести говоря, еще неизвестно, сколько идеологической вальс даст вперед оном «благравственному» фокстроту, как раз по части чувственности. История, которая было исчала из наших школ, поместит нам в тут разобраться.

Формы в «Серапионовых братьях» записал нам в поучение абсолютный, слан не странку, то «строкову» в истории культуры. Он свидетельствует, до чего потрясены и возмущены были эротизмом возвращающего в быт нового танца, вальса, «филантеза» (на нашем языке: «свещество»). Они просто ошамели, когда на смеху церемонным старейшим ритоданом и менаутом, удерживавшим мужчину и женщину на «безопасном» друг от друга расстоянии, пришел этот грезловый вальс.

И формальные филантеры не во всем неправы. Они переоценивали «деломудрие» всех этих менаутов, потому, что еще вопрос, не была ли для разнузданного аристократического общества XVIII в. эта изворотливая сдержанность танца предметом особой утонченности. Но в том, что вальс — чувственный танец, они, конечно, правы, и ничего тут не поделаешь!

Да и никакой беда в том нет ли для вальса, ни для фокстрота, ни для любого «современного» танца. Если мы выйдем из поколения не без некоторой полемки и запальчивости, то тому есть причина. Обяснимся хотя бы вкратце.

Дело, конечно, не в фокстроте. Наше социалистическое строительство ничуть не пострадает, е-

ли этот легкомысленный танец выпадет из социалистической культуры. Дело совершено в другом. Дело в том вадрте, с какой силой фокстротом салала из фокстрота целую «прокачку», в той тяжелой артиллерии, которая из их лагеря павала по этому жалкому воробушку. В нашей култрабете прозвучали какие-то монашеские ноты. Откуда бы это?

В этом, думается, сивалось влияние российской протестантской традиции угнезданной нами от буржуазно-народнической интеллигенции. Последняя всегда была исклоямо астетическим настроением, особенно когда диворачивалась андом и «мешавшему брату» и организовывала для него какие-то специальные «разумные» развлечения.

И это не впервые в истории. Возьмем один самый близкий нам пример.

К Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе», разделявая полорок «Буэно Бауэра и К.», находят случай, повод и необходимость обрушиться на «попосство» левого гегельянца Шеллинга, пытавшегося отпавать танцу в присутствии ему имать чувственности. Это «оскормление» танца имвалоо целью маркс сарказма у великого жидлезабоа К. Маркс (глава V «Критической критики», гла V «Критическая критика в лице господина Шеллинга» написана Марксом).

«Неперсудственное сопровисование... левино бромата Шеллинга, — об'ятие обоих полов, обусловленное образованием пары, дозволено в плексе, так как они вопреки отчужденности и действительности («Действительно ли, г. шатор?»), — совмещены в собоак Маркс) испытываемом» — самоому ощущение все-таки не рассматриваются как чувственные («А, взоротно, как обобразауиает?» — иронизирует Маркс) приспособление и об'ятие».

«Господни пастор... парирет этот святоеский пассаж К. Маркс... не говорит ни о аанкке, ни о полемке; он говорит... о той категории танца, которую танцуют разве только под его собственным критическим черепом. Пусть он когда-нибудь его посмотрит на танец в парижской «шамизе, и его христианско-германская душа возмутится этой дерзости, этой отчужденностью, этой градоной чувственностью, этой мучной чувствительной движени. Его собственное «действительно испытываемое сладкое ощущение» дало бы ему «почувствовать»... почему танцующие не должны и не смеют... быть в собственном главах откровенно чувственными людьми, когда они и могут и должны быть так! такими!!!» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сот. Т. III, стр. 90).

Примечания тут, как говорится, излишни. Положение только, что видяки — это тогавиши, аналогичный современному фокстроту «ротический» танец. Отметим, что, как видно, и полька принята была в 40-х годах прошлого века как «чувственный» танец. Подвизимся и пронципальности Маркса, который разгадал «попосство» в левом театмаше Шеллинга — будущем участнике баленской революции, но умершем в 1900 г. генералом кайзера Вильгельма II.

Маленькое, микроскопическое дело — фокстрот. Но в нем умудрялись очень нипуать. Во всяком случае, можно только порадоваться,

что в Центральном парке культуры и отдыха народа со всеми другими танцами (из которых многие, впрочем, изгнаны) и полдасит, на наш вальс, коренной преселен... трудящиеся Москвы танцуют сейчас и фокстрот, и румби, и бостон. Чтобы условить ренителю нравственности и не по разуму приималогичных благодетелей классового принципа в искусстве и в быте, рабоче здесь, как это можно было наблюдать и 1 Мая на Советской площади, танцуют фокстрот не так, как его танцуют где-нибудь в «Савое». И незачем допытываться, где же, в каком па танца или в каком наклонне корпуса лежит «момент критического освоения буржуазного хореографического наследства».

ЧТО В ЭТОМ ДУРНОГО

цена 50 коп.

Весла на воду!
Четверка тренируется.
Фотостудия ИШК